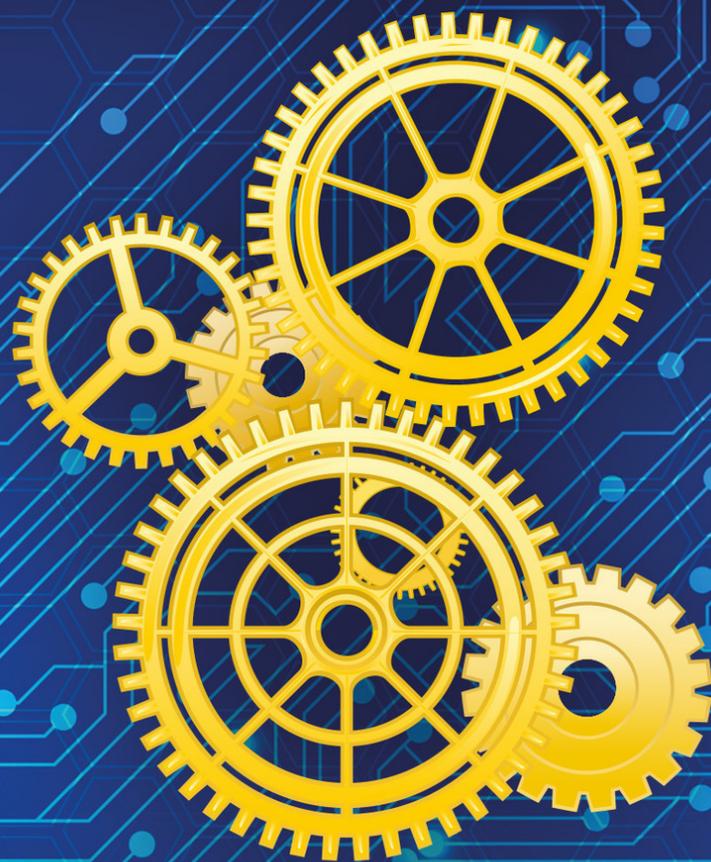

ЛАУРЕАТ ПРЕМИЙ «ХЬЮГО» И «ЛОКУС»

НИИ СТИВЕНСОН

АНТАВНИЙ ВЕК

fan_zon

История будущего

Нил Стивенсон

Алмазный век

«ЭКСМО»

1995

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стивенсон Н. Т.

Алмазный век / Н. Т. Стивенсон — «Эксмо», 1995 — (История будущего)

ISBN 978-5-04-099523-3

Далекое будущее. Национальные правительства пали, границы государств стерлись, настало время анклавов, объединяющих людей на основе общей культуры или идеологии. Наиболее динамично развивается общество «неовикторианцев», совмещающих высокие технологии и мораль XIX века. Их главный оплот – Атлантида на побережье бывшего Китая. Один из лидеров и главных акционеров «неовикторианцев», лорд Финкель-Макгроу, заказывает разработку «Букваря для благородных девиц» – интерактивного суперкомпьютера в виде книги – для принцессы и своей внучки. Этот гаджет должен заменить как учителя, так и родителя и помочь им стать истинными представительницами элиты. Талантливый инженер по нанотехнологии Джон Персиваль Хакворт похищает разработанное им устройство у своих хозяев и хочет передать его своей дочери, чтобы она могла научиться свободно мыслить, без рамок, накладываемых «неовикторианством». Однако случайно «Букварь» попадает в руки молодой Нелл, девушки с самого дна этого диккенсовского рая. Теперь у нее в руках устройство, способное перепрограммировать будущее человечества. И это меняет все...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-099523-3

© Стивенсон Н. Т., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

Часть первая	7
Плеб приходит в модное ателье; занятные сведения о видах современного вооружения	7
Источник Виктория; описание его окрестностей и внутреннего устройства	10
Бад испытывает денежные затруднения; визит к банкиру	11
Визит королевских особ; Хакворты отправляются на воздушную прогулку; день рождения принцессы Шарлотты; Хакворт знакомится с пэром	13
Бад вступает на скользкий путь; оскорбление землячеству и его последствия	21
Утренние размышления Хакворта; завтрак и уход на работу	26
Суд над Бадом; примечательные черты конфуцианской системы судопроизводства; он получает приглашение совершить короткую прогулку по длинному пирсу	29
Нелл осваивает матсборщик; детская опрометчивость; все заканчивается хорошо	32
Хакворт приходит на работу; визит в конструкторский отдел; занятия мистера Коттона	34
Особенности домашнего быта Гарва и Нелл; Гарв приносит диковинку	38
Меры безопасности в Атлантиде Шанхайской	40
Нелл видит нечто странное; Гарв все объясняет	43
Хакворт собирает «Иллюстрированный букварь для благородных девиц»; разъяснение используемой технологии	45
Общая обстановка в доме Гарва и Нелл; Арендованные Территории; Текила	48
Хакворт идет по дамбе в Шанхай; размышления	50
Хакворт в фактории доктора Икс	51
Хакворт покидает лабораторию доктора Икс; дальнейшие размышления; стихотворное послание Финкеля-Макгроу; разбойное нападение	55
Миранда; как она стала рактрисой; первые шаги на сцене	60
Гарв приносит подарок; Нелл экспериментирует с Букварем	63
Нелл знакомится с Букварем	65
Юный грабитель перед судьей Ваном; магистрат советуется с помощниками; справедливый приговор	66
Хакворт вручает Букварь лорду Финкелю-Макгроу	71
Нелл снова открывает Букварь; краткая история принцессы Нелл	73
Судья Ван посещает свой округ; мисс Бао проводит наглядный опыт; дело об украденной книге получает неожиданный оборот	74
Описание Старого Шанхая; театр «Парнас» и чем занимается Миранда	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Нил Стивенсон

Алмазный век

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*По своей природе люди близки друг другу;
По своим привычкам люди далеки друг от друга¹.*
Конфуций

¹ Изречения Конфуция даны в переводах В. А. Кривцова и И. И. Семененко.

Часть первая

Подъем или упадок нравственности вызывают мощные факторы, главнейший из которых – реакция на установления предшествующей эпохи. Туда-сюда качается маятник, и горстка повисших на нем выдающихся людей бессильна изменить его ход.

Сэр Чарльз Петри, «Викторианцы».

Плеб приходит в модное ателье; занятные сведения о видах современного вооружения

В церкви Святого Марка звонили к обедне, колокольный трезвон неся вдогонку Бад, когда тот со скоростью сто километров в час летел в модное ателье делать апгрейд лобешнику. Новые коньки развивали бы все сто пятьдесят, но это если ты не толстый и носишь аэро. Бад предпочитал эластичные кожаные куртки – они лучше подчеркивают мускулатуру. Прошлый раз (два года назад) в том же ателье Бад впрыснули энзиты – маленькие такие, их не увидишь, не почувствуешь. Эта дрянь постоянно сокращала мышцы электрическими импульсами по программе наращивания объема. Вкупе с тестостероновым насосом в левой руке они производили такое же действие, как если бы Бад дни и ночи качался на снарядах, – только усилий никаких и пот градом не льется. Одно плохо – мышцы дергаются, совсем заколебали. Конечно, постепенно привыкаешь, но на роликах бывает немного не по себе, особенно когда мчишься по людной улице со скоростью сто километров в час. К счастью, редкий прохожий вякал, хотя бы Бад и на полном ходу сбивал его с ног. После сегодняшнего никто не посмеет против него возникнуть. Ни- когда!

На последней работе – маньком – Бад оторвал около тысячи юк и, что удивительно, ни единой царапины. Третью он потратил на черную косяку, еще треть – на кони, последнюю собирался оставить в ателье. Лобоган можно вживить гораздо дешевле, но это значит тащиться через дамбу в Шанхай, к подпольному модельщику-китайцу, а в итоге тот занесет тебе в череп какую-нибудь заразу, лечись потом, да еще карманы обчистит, пока будешь лежать в отключке. И потом, в Шанхай пускают, только пока ты нулевой. Бад, чтобы пройти с лобешником, пришлось бы подмазывать неговорчивых шанхайских копов. Нет, на такое дело лучше не жаться. Перед Бадом открывалась неограниченная карьера, ведущая в иерархию исключительно опасного наркобизнеса, и первую стажировку в качестве манька он уже прошел. Новый встроенный лобовой пистолет – разумное вложение денег.

Долбаные колокола трезвонили в тумане не переставая. Бад буркнул себе под нос, и музыкальная система – элементы фазированного акустического поля, натканные в барабанных перепонках, как зернышки в земляничине, – прибавила громкость. Однако даже музыка не могла заглушить перезвон, отдававшийся в самых костях. Может, раз уж он будет в ателье, сменить заодно батарейки, вживленные в правую височную кость? Они рассчитаны на десять лет, но прошло уже шесть, а слушал он громко.

В очереди оказались трое. Бад сел, взял со столика медиатрон, по виду – мятый, засаленный газетный листок. «Вестник самозащиты», – скомандовал он громко, чтобы слышали остальные. Тут же на листке появился логотип его любимого канала. Медиаглифы, в основном крутые анимированные, выстроились в меню. Бад просмотрел их, нашел посвященный сравнению разных типов оружия, щелкнул ногтем. Тут же появились другие медиаглифы с видеопанелями, в которых сотрудники «Вестника» испытывали новые лобометы на подвиж-

ных и неподвижных мишенях. Бад бросил листок на стол: этот обзор он штудировал последние несколько дней. Раз не обновили, значит, решение остается в силе.

Первый тип пришел делать татуировку, это заняло секунд десять. Второму надо было просто перезарядить лобешник, он тоже вошел и вышел. Девушка собиралась заменить несколько энзитов в рактивной сетке, в основном около глаз, где начали появляться морщины. Это оказалась долгая песня. Бад снова взял медиатрон и погрузился в любимый рактюшник «Заткнись, или сдох- нешь!».

Прежде чем вставлять лобомет, модельщик потребовал юки на бочку. В другом месте это прозвучало бы оскорбительно, но только не на Арендованных Территориях, где такое в порядке вещей. Убедившись, что его не обманывают, модельщик побрызгал Баду на лоб из аэрозольного флакона, отодвинул клочок кожи и потянул вниз машинку, закрепленную на длинном и тонком, как у бормашины, манипуляторе. Автоматический захват быстро и уверенно сомкнулся на старом стволе. Бад, который в последнее время из-за мышечных стимуляторов сделался сам не свой, подпрыгнул было, но манипулятор уже извлек лобомет. Хозяину оставалось только следить за экраном и приговаривать:

– Дырочка в черепе маловата, сейчас машина рассверливает ее под больший калибр... готово... вставляет но- вый...

Пистолет встал на место. По черепу распространилось неприятное чувство – как в детстве, когда тебе засветят в лоб из пневматического пистолета. Голова сразу за- ныла.

– Сейчас там сто обойм с хлопучками, – сказал модельщик. – Проверишь УГРИ, заряду настоящими.

Он прилепил кожу на место, чтобы она срослась без следа. За отдельную плату тебе могут оставить шрам – пусть все видят, что ты заряжен, но Бад слышал, будто некоторые телки этого не любят. В своих отношениях с противоположным полом он руководствовался чудовищным винегретом из первобытных импульсов, смутных домыслов, ложных теорий, полузабытых дурных советов, обрывков случайного разговора и откровенно гротескных анекдотов. Все это складывалось в чистое суеверие, которое в данном случае утверждало: шрама не надо.

Кроме того, у него были прицелы – похабного вида черные очки с крестом нитей на одном глазу. Повышают меткость во много раз и видны каждому, так что все знают: увидел прицелы – не вякай.

– Ну, попробуй, – сказал хозяин и развернул сиденье – древнее парикмахерское кресло, обитое переливчатым пластиком.

Перед Бадам оказалась дальняя стена и лысый безликий манекен. И манекен, и стену испещряли черные точки.

– Пуск! – сказал Бад, и лобомет тихонько зажужжал в ответ.

– Готовность! – И снова раздалось подтверждающее гудение.

– Пли! – Бад приказал, не разжимая губ, но лобомет услышал; легкая отдача отбросила голову назад, со стороны манекена донеслось резкое «чпок!» (Бад чуть не подпрыгнул), стена озарилась короткой вспышкой.

Голова заболела сильнее, но Бад не обращал внима- ния.

– Скорость вылета больше, так что привыкай целить немного ниже, – сказал хозяин.

Бад выстрелил снова, и на этот раз попал манекену в шею.

– Потрясающе. Убийником ты снес бы ему башку, – объявил хозяин. – Сразу видно мастера. Но это еще не все. Магазины три, можно зарядить три вида патро- нов.

– Знаю, – сказал Бад. – Смотрел. – Потом, лобомету: – Рассеивание десять, площадь поражения средняя. Огонь!

Голову отбросило сильнее, десяток «чпок!» донеслось одновременно и от стены, и от манекена. Запахло горелой пластмассой, глаза защищало от дыма.

– Можно задать рассеивание сто, – сказал хозяин, – но отдача, скорее всего, оторвет голову.

– Усек, – сказал Бад. – Заряжай. Первый магазин – электрошок. Второй – разрывные. Третий – убийники. И, твою мать, дай мне таблетку анальгина.

Источник Виктория; описание его окрестностей и внутреннего устройства

Воздухозаборники Источника Виктория торчали над крышей Королевской экологической оранжереи кустом стометровых калл. Слово довершая аналогию, вниз, в алмазное основание Нового Чжусина*, уходили фрактально ветвящиеся корни системы водоподачи. Их бесчисленные капилляры, расположенные по периферии умкораллового рифа в нескольких десятках метров от поверхности, вбирали теплую воду Восточно-Китайского моря. Той же цели могла бы служить одна большая труба, снабженная мощным насосом, вторая – воздушная – с успехом заменила бы каллы; мусор и растерзанные птичьи трупы оседали бы на решетках, не забывая механизм.

Однако это было бы неэкологично. Геотекторы из «Империял Тектоникс» в упор не узнали бы экосистему, живи они в ней самой, но твердо усвоили: с экосистемами шутки плохи, и потому оберегали природу с тем же кропотливым тщанием, с каким проектировали эстакады и дренажные штольни. В Источник Виктория вода просачивается по микротрубочкам, как в обычный берег, а воздух засасывают искусно наклоненные экспоненциальные раструбы калл, каждый раструб – точка в пространстве параметров, не шибко отстоящая от расчетной идеальной кривой. По прочности они выдерживают тайфуны, но гнутся и шелестят от легкого ветерка. Залетевшие внутрь птицы чувствуют нисходящий воздушный ток и предпочитают упорхнуть подобру-поздорову, даже не успевая обделаться со страху.

Каллы отходят от огромной, со стадион, граненой вазы, Алмазного Дворца, открытого для публичного обозрения. Туристы, спортивного вида пенсионеры, группы облаченных в форму школьников нескончаемой чередой проходят его коридорами, наблюдая через хрустальные стены (на самом деле это, конечно, чистый алмаз, который много дешевле стекла), различные этапы молекулярной сортировочной линии, которую представляет собой Источник Виктория. Грязный воздух и грязная вода поступают в огромные емкости. В соседних емкостях вода и воздух почище. Повторите несколько десятков раз. Последние емкости содержат совершенно чистый азот и совершенно чистую воду.

Череда емкостей называется каскадом – абстрактная причуда инженеров, малопонятная экскурсантам, которые не находят здесь ни одного достойного кадра. Очистка происходит в стенках между емкостями. На самом деле «стенки» представляют собой бесконечные решетки беспрерывно вращающихся субмикроскопических зубчатых колесиков. Каждый зубчик подхватывает молекулу азота или воды с грязной стороны и переносит на чистую. Все, что не азот и не вода, не подхватывается, а следовательно, не попадает в следующую емкость. Другие колесики извлекают полезные примеси, как то: углерод, серу и фосфор; они попадают в другие, параллельные каскады и там проходят полную очистку. Рассортированные молекулы сливаются в резервуары, часть потом соединяют в простые, но полезные молекулярные безделицы. В конце концов все поступает на ленту молекулярного конвейера, более известного как Линия Подачи, берущего начало от Виктории и еще полудюжины источников Атлантиды Шанхайской.

Бад испытывает денежные затруднения; визит к банкиру

Бад сам удивился, сколько ходил с лобешником, прежде чем по-настоящему разозлился и пустил его в ход. Одно сознание придавало ему такой уверенный вид, что никто в здравом уме не решался слова сказать поперек. Достаточно было зыркнуть, и все становились как шелковые.

Пришло время продвигаться вверх. Он искал работу локатора, но это оказалось непросто. Альтернативная фармакологическая промышленность работала по системе изготовления – доставка, стараясь не запасать впрок, чтобы в случае облавы не засыпаться с крупной партией. Продукт получали в подпольных матсборщиках, рассованных по пустующим многоэтажкам, а гонцы доставляли его непосредственно уличным пушерам. Тем временем в окрестностях расхаживали тучи маньков и локаторов, нигде не останавливаясь надолго, чтобы не загреметь в участок за шатание без дела, высматривая сквозь стекла черных очков копов или коповские груши.

Когда Бад послал прежнего босса, то был уверен, что гонцом устроится всегда. Однако тут ему подсурили. Пару месяцев назад из Северной Америки привалили несколько дирижаблей белой и черной босоты, на рынке труда случился затор. Сейчас Бад потратил последние юки, и ему обрыдла бесплатная пища из общественных матсборщиков.

В банке «Павлин» его встретил красавец мужчина с проседью в черной бороде. От него пахло апельсинами. Щегольской двубортный костюм подчеркивал узкую талию. Банкир занимал довольно обшарпанный кабинет на верхнем этаже туристического агентства в мрачном квартале между аэродромом и прибрежными борделями.

Они обменялись рукопожатиями, затем банкир сложил руки на груди и оперся о край стола. В этой позе он слушал, что Бад ему врет, время от времени кивая, будто усматривает в словах некий глубокий смысл. Бад понимал, что разыгрывается спектакль, и потому психовал, но он слышал, что индусы свихнуты на вежливом обращении с клиентами.

Внезапно банкир оборвал Бада на полуслове и поднял на него просветлевший взгляд.

– Вы хотите открыть кредитную линию? – произнес он с радостным изумлением, которое только напускным и могло быть.

– Типа того, – ответил Бад, жалея, что не смог выразить так красиво.

Банкир вытащил из нагрудного кармана сложенный втрое листок.

– Тогда вам стоит ознакомиться с этим буклетом, – сказал он, затем обратился к буклету на незнакомом языке.

Как только Бад взял листок, на чистой странице возник цветной анимированный логотип и заиграла музыка. Логотип изображал павлина. Под ним возник мужик, похожий на банкира как две капли воды, – то ли индус, то ли араб.

– Парсы счастливы приветствовать вас в банке «Павлин», – сказал он.

– Кто такие парсы? – спросил Бад у банкира.

Тот только прикрыл веки и указал бородкой на листок, который слышал вопрос и уже начал объяснение. Лучше бы он не спрашивал, потому что мужик стал распинаться про этих парсов, которые, видимо, страшно боятся, что их спутают с индусами, пакистанцами или арабами, хотя, разумеется, они высоко ценят и чтут эти замечательные этнические группы. Как ни старался Бад отключиться, он помимо воли впитывал уйму сведений про парсов, их чудацкую веру, их странную непоседливость, даже про долбаную кухню, с вида совершенно отвратную, но все равно слюнки текут. Наконец буклет вернулся к делу, то есть к кредитной линии.

Все это Бад слышал не первый раз. Старая песня: если банк решает заключить договор, клиенту на месте вшивают кредитную карту. Эти ребята имплантируют ее в подвздошную кость, другие – в височную; не суть, лишь бы была большая и близко подходила к коже. В кость, потому что карта работает на радиосигналах и нуждается в приемной антенне. Дальше

ты идешь в магазин и просто говоришь, чего тебе надо, а банк «Павлин», хозяин и карта разбираются между собой.

У разных банков – разные проценты, минимальные ежемесячные взносы и тому подобная дребедень, но Бада это не колыхало. Его колыхало, что будет, если он не сможет вернуть долг, и, послушав для вида всю эту тягомотину, он с притворным безразличием, словно между делом, спросил про взимание недоимок. Банкир глядел в окно, прикидываясь, будто не слышит.

Заиграл джаз, появилась картинка: дамы и господа всех цветов и оттенков, совсем не похожие на опустившихся должников, сидят за столом и собирают какую-то блестящую белиберду. Делали они это с явным удовольствием, попивая чай и весело переговариваясь. Чай насторожил Бада, который при всей своей дремучести отлично знал, как охмуряют его брата. Слишком много чая они пьют.

Ему понравилось, что мужчины и женщины сидят вместе и что на них не робы, а цивилизованная одежда. «Банк «Павлин» поддерживает всемирную сеть чистых, безопасных и уютных работных домов, так что, если вы станете жертвой непредвиденных обстоятельств или неразумно распорядитесь полученным кредитом, вас поместят близко от вашего дома до тех пор, пока недоразумение не уладится. Насельникам работных домов банка «Павлин» предоставляются отдельные койки, а некоторым и отдельные комнаты. Естественно, пока вы гостите у нас, ваши дети остаются с вами. Условия труда – одни из лучших в отрасли, высокая добавленная стоимость наших ювелирных изделий означает, что при любом масштабе затруднений они разрешатся практически мгновенно».

– А как вы заставляете, э, клиентов прийти, когда пора? – спросил Бад.

На этом месте банкир потерял интерес к происходящему, выпрямился, обошел стол, сел и стал смотреть в окно на Шанхай и Пудун.

– Буклет не рассматривает этот вопрос, – сказал он, – поскольку большинство потенциальных клиентов не разделяют вашего пристального внимания к подробностям затронутой процедуры.

Он дернул носом, словно опасался вдохнуть что-то дурнопахнущее, и разгладил бородку.

– Принудительные меры рассчитаны на три этапа. Для них есть благозвучные названия, но вы можете считать их, в порядке возрастания, вежливым напоминанием, превышением вашего болевого порога и показательным уничтожением.

Бад подумал было устроить парсу показательное уничтожение, но в банке наверняка стоит мощная охранная система. Кроме того, в перечисленных мерах не было ничего необычного, и Бад был даже благодарен, что ему выложили начистоту.

– Ладно, зайду попозже, – сказал он. – Можно прихватить буклет?

Парс махнул рукой, дескать, берите, какой разговор. Бад вышел на улицу и отправился искать более легких денег.

Визит королевских особ; Хакворты отправляются на воздушную прогулку; день рождения принцессы Шарлотты; Хакворт знакомится с пэром

Три фасетчатых зерна семечками исполинской тыквы плыли вечером в пятницу над садами и крышами Атлантиды Шанхайской. Две причальные мачты высунулись из крикетных овалов Парка Источника Виктория. Маленький дирижабль остался висеть, два другие снизились над лужайкой. Их заполненные пустотой оболочки были по большей части прозрачны и не заслоняли свет, а окрашивали желтым и дробили на множество солнечных зайчиков, которые дети в нарядных кринолинах и коротких штанишках тщетно пытались ловить руками. Играл духовой оркестр. Из-за фальшборта «Атлантиды» махала рукой крошечная фигурка. Дети знали, что это и есть виновница торжества, принцесса Шарлотта; увидев ее, они тоже замахали и закричали.

Фиона Хакворт гуляла по Королевской экологической оранжерее за руки с родителями, которые надеялись, что так она не успеет изгвадать новое платье. Стратегия не вполне себя оправдала, однако Джон и Гвендолен сумели собрать значительную часть грязи на перчатки, откуда та улетучилась прямо в воздух. Современные дамские и мужские белые перчатки делаются из бесконечно малых грязеотталкивающих фабрикул – провел рукою по луже, и через несколько секунд перчатка снова белоснежная.

Иерархия салонов на «Эфире» в точности соответствовала статусу пассажиров: переборки и внутреннее убранство между рейсами раскладывались на молекулы и затем собирались снова. Лорду Финкелю-Макгроу, его трем детям, их супругам и Элизабет, (первой и пока единственной его внучке) спустили отдельный трап, который доставил их в анфиладу кают на самом носу, откуда открывался почти полукруговой обзор.

За Финкелем-Макгроу разместились каюты бизнес-класса. Они предназначались для лордов – привилегированных акционеров, по большей части простых графов или баронов. Здесь преобладали дедушки с малолетними внуками. За ними следовали директора; их золотые цепи, обвешанные электронными почтовыми ящичками, телефонами, табакерками, фонариками и прочими безделушками, круглились на черных жилетах, призванных скрадывать выпирающие животы. Их отпрыски в большинстве своем достигли того возраста, когда дети не умиляют никого, кроме собственных родителей, роста, при котором природная живость не столько восхищает, сколько пугает, и той степени умственного развития, на которой милая детская непосредственность оборачивается недетским хамством. Пчелка, летящая за нектаром, радуется глаз, хоть и таит в хвосте ядовитое жало; но шершень, преследующий ту же цель, заставляет нас озираясь в поисках газеты или мухобойки. На широких эскалаторах, ведущих к каютам первого класса, можно было наблюдать немало отцов в съехавших набок цилиндрах, которые, шипя сквозь зубы и озираясь – не видит ли кто, – хватили за локти расходившихся чад.

Джон Хакворт был инженер. Большинству его коллег полагались крохотные каютки с откидными койками, но Хакворт носил высокое звание артифекса* и возглавлял группу в этом самом проекте, поэтому ему отвели место во втором классе с двуспальной кроватью и откидной койкой для Фионы. Носильщик внес вещи, когда «Эфир» уже готовился отойти от посадочной мачты – двадцатиметровой алмазоподобной стойки, которая, пока дирижабль разворачивался к югу, успела всосаться в зеленое сукно площадки. Парк непосредственно прилегал к Источнику Виктория, поэтому был наполнен катахтонными линиями подачи, способными в мгновение ока вырастить что угодно.

Каюта Хаквортов располагалась по правому борту, поэтому на пути от нового Чжусина они могли наблюдать заход солнца над Шанхаем, багровый в угольной дымке, которая никогда не рассеивается над городом. С час Гвендолен читала Фионе на ночь, Джон тем временем просмотрел вечерний выпуск «Таймс», потом разложил на узком столе бумаги. В полумраке они переоделись к ужину, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Фиону, в девять вышли в коридор, заперли за собой дверь и поспешили на звуки оркестра в бальную залу «Эфира», где только-только начались танцы. Пол здесь был из прозрачного алмаза, свет горел приглушенно. Всю ночь они танцевали вальс, менуэт, линди, электрический слайд, и казалось, дирижабль плывет по залитой лунным светом поверхности Тихого океана.

Рассвет застал дирижабли над безбрежным Восточно-Китайским морем. Лишь Хакворт да несколько инженеров знали, что глубина здесь относительно небольшая. Из каюты открывался вполне сносный вид, но Джон проснулся рано и вышел в залу с прозрачным полом, велел официанту принести эспрессо, «Таймс» и стал с удовольствием дожидаться, когда Гвен и Фиона приведут себя в порядок.

Гвен и Фиона опоздали ровно настолько, чтобы Джон занервничал, – он уже раз десять вынимал из кармашка часы, а под конец зажал их в кулаке, нервно щелкая крышечкой. Гвен подобрала длинные ноги, грациозно расправила платье и села на пол под укоризненными взглядами дам, которые остались стоять. Джон смутился было, но увидел, что дамы – инженеры относительно низкого разбора или инженерские жены; высокие особы наблюдали за происходящим сквозь пол собственных кают.

Фиона плюхнулась на четвереньки, задрала попку и ткнулась носом в алмаз. Хакворт подтянул брючины и опустился на одно колено.

Умкоралл вырвался из морских глубин с силой, изумившей даже Хакворта, который участвовал в проекте и видел пробные испытания. Больше всего это походило на взрыв за потресканным темным стеклом или на кофе, когда льешь в него тонкую струйку густых сливок, – белое всплывало из черноты фрактальным турбулентным цветком и замирало, едва достигнув поверхности. Собственно, скорость была намеренно спланированным трюком; умный коралл рос на дне океана последние три месяца, черпая энергию из сверхпроводника, который они специально вырастили на морском ложе, извлекая нужные атомы из соленой воды и растворенных в ней газов. Процесс, происходящий внизу, казался хаотичным, но каждая литокула в точности знала, куда ей плыть и что именно делать. Каждая представляла собой кальций-углеродный тетраэдр размером с маковое зернышко, снабженный источником питания, мозгом и навигационной системой. Они поднялись со дна по сигналу принцессы Шарлотты – пробудившись от сна, она обнаружила под подушкой сверток, развернула, нашла золотой свисток на цепочке, вышла на балкон и дунула.

Кораллы стягивались к будущему острову со всех сторон, многим литокулам предстояло преодолеть несколько километров, отделяющих их от назначенной позиции. Они вытесняли объем воды, равный самому острову, в сумме – несколько кубических километров. Вода забурлила, океан вздыбился, дети закричали от испуга. И впрямь, несколько брызг достигли алмазного дна, вынудив пилота набрать чуть большую высоту. Это вызвало гомерический хохот всех собравшихся в зале отцов, которые от души забавлялись иллюзией опасности и бессилием стихии.

Пена и дымка рассеялись, взглядам предстал новый остров, розовый в свете встающего солнца. Крики и аплодисменты уступили место профессиональному говорку. Дети визжали уже на ультразвуке.

Ждать предстояло еще часа два. Хакворт шелкнул пальцами, подзывая официанта, заказал свежие фрукты, сок, бельгийские вафли и еще кофе. Почему бы не отведать прославленной кухни «Эфира», покуда остров взрастит замки, фавнов, кентавров и заколдованные леса?

Принцесса Шарлотта первая сбежала по сходням «Атлантиды» на заколдованный остров. За ней следовали подружки, похожие в шляпках с ленточками на крошечные полевые цветы, и с премиленькими корзиночками, которые, впрочем, вскоре переключались к гувернанткам.

Принцесса повернулась к «Эфиру» и «Чинуку», пришвартованным в нескольких сотнях метров, и заговорила обычным голосом, который тем не менее явственно доносился до дирижаблей; в кружевном воротнике ее пелеринки был упрятан нанофон, связанный с элементами фазированной акустической системы в верхних пластах самого острова.

– Я хочу поблагодарить лорда Финкеля-Макгроу и всех сотрудников «Машин-фаз системс лимитед» за чудесный подарок. Детки Атлантиды Шанхайской, хотите присоединиться к моему празднику?

Детки Атлантиды Шанхайской радостно завопили «да!» и побежали по сходням «Эфира» и «Чинука», которых спустили предостаточно во избежание заторов, увечий или, боже упаси, драк. В первые минуты дети просто высыпали из дирижаблей, словно рвущийся из клапана газ. Потом они начали сбиваться в кучки и разглядывать диковины: кентавра восьми футов росту, его сына и дочку. Маленьких динозавриков. Пещеру, полого уходящую в склон и сулящую заманчивые чудеса. Дорогу, которая вилась по холмам к разрушенному замку.

Взрослые по большей части остались на дирижаблях, чтобы дети немного набегались одни, хотя лорда Финкеля-Макгроу уже можно было видеть на пути к «Атлантиде» – он с любопытством тыкал в коралловый песок прогулочной тростью, словно желая убедиться в его пригодности для королевских ног.

На сходнях «Атлантиды» показались мужчина и женщина. В ярком, по-летнему открытом платье и с парасолькой в цвет – королева Атлантиды Виктория II. В бежевом льняном костюме – ее супруг, принц-консорт, которого, как ни прискорбно, звали Джо. Джо (или Джозеф, так именовался он официально) сошел на берег с чрезмерной важностью, словно совершая «один маленький шаг для человека»*, обернулся к ее величеству и подал руку, которую та изящно приняла, но опираться не стала: не забывайте, дескать, что я занималась греблей в Оксфорде, а в Стэнфордской школе бизнеса снимала напряжение плаванием, роликовыми коньками и джиткундо. Как только августейшие стопы коснулись земли, лорд Финкель-Макгроу отвесил низкий поклон. Королева протянула руку, которую тот поцеловал, что, разумеется, страшно некомильфо, но разрешается таким фатоватым старичкам, как лорд Александр Чон-Сик Финкель-Макгроу.

– Мы еще раз благодарим лорда Финкеля-Макгроу, «Империал тектоникс лимитед» и «Машин-фаз системс лимитед» за чудесное празднество. Давайте же насладимся величественным творением человеческих рук, покуда его, как первую Атлантиду, не скryли навеки волны.

Родители Атлантиды Шанхайской двинулись по сходням, хотя многие, приметив наряд королевы и принца-консорта, ушли в каюты переодеться. Вооруженные подзорными трубами модные обозреватели «Таймс» уже передали с борта «Эфира» грандиозную новость: парасольки вернулись!

Гвендолен Хакворт не прихватила зонтика, но нimalo этим не опечалилась; она всегда следовала моде естественно и непринужденно, умение одеваться было у ней в крови. Они с Джоном сошли на остров. К тому времени, как глаза Хакворта привыкли к солнцу, он уже сидел на корточках и растирал в пальцах комочек земли. Гвен оставила его за этим занятием и присоединилась к кучке женщин – инженерских жен и даже двух привилегированных акционерш в ранге баронетствующих дам.

Хакворт отыскал укромную тропку, которая вела через рощицу к купе деревьев у прозрачного чистого озера, – он зачерпнул воды и попробовал, просто чтобы убедиться. Некоторое время он стоял, глядя на очарованный остров, и гадал, что-то поделявает Фиона. Воображение разыгралось: вдруг она каким-то чудом встретила принцессу Шарлотту, подружилась

с ней и сейчас они вместе исследуют диковинные уголки. Из мечтаний его вывел голос, читающий стихи:

Где были б мы с тобой, любезный друг,
Когда порой влечений безобидных,
Мы б не бродили по зеленым долам,
По пастбищам привольным и лугам,
Но по аллеям строгим и прямым
Под бдительным докучливым надзором,
Словно телята по дороге к рынку,
Невольники понурые, влеклись.

Хакворт обернулся и увидел, что не он один любит красота острова. Декламатору было не меньше семидесяти. Лицо монголоидное, голос – с легким американским акцентом. Прозрачная кожа, все еще гладкая на выступающих скулах, собралась мелкими морщинами возле глаз, ушей и на щеках. Ни волоска не торчало из-под пробкового шлема – старик был совершенно лыс. Хакворт медленно впитывал увиденное, прежде чем осознал, кто перед ним.

– Похоже на Вордсворта, – сказал он.

Старик смотрел на лужайку. Сейчас он наострил уши и впервые взглянул прямо на Хакворта.

– Стихи?

– Судя по содержанию, я сказал бы, что это «Прелюдия».

– Угадали, – произнес старик.

– Джон Персиваль Хакворт к вашим услугам. – Хакворт сделал шаг вперед и протянул карточку.

– Очень приятно, – сказал старик. Сам он не считал нужным представиться.

Лорд Александр Чон-Сик Финкель-Макгроу был одним из немногих лордов – привилегированных акционеров в ранге герцога, выходцев из Апторпа. Апторп – не организация, и напрасно искать ее в телефонной книге; на финансовом жаргоне она именуется стратегическим альянсом нескольких гигантских корпораций, в том числе «Империал тектоникс лимитед» и «Машин-фаз системс лимитед». Между собой сотрудники называли ее «Джон-дзайбацу»*, как веком раньше их деды говорили «Джон-компани» об Ост-Индской компании.

МФС производит потребительские товары, ИТЛ – недвижимость, на которой, собственно, и делаются настоящие деньги. В гектарах это не так много – капля, точнее, острова в море, однако именно эта земля – самая дорогая в мире, исключая разве что благословенные уголки вроде Токио, Сан-Франциско и Манхэттена. Причина в том, что у ИТЛ есть геотекторы, а они уж следят, чтобы каждый новый клочок суши обладал очарованием Фриско, стратегическим положением Манхэттена, фэн-шуй Гонконга, мрачным, но обязательным *Lebensraum* * Лос-Анджелеса. Незачем посылать грубое мужичье в охотничьих шапках исследовать дикие земли, истреблять туземцев, корчевать девственные леса; теперь довольно одного ретивого молодого геотектора, хорошего матсборщика и временного Источника.

Как многие другие неовикторианцы, Хакворт знал биографию Финкеля-Макгроу назубок.

Он родился в Корее. В шесть месяцев его усыновила супружеская пара, которая познакомилась еще в айовской школе, а затем создала органическую ферму недалеко от границы Айовы с Южной Дакотой.

Когда он был подростком, в аэропорту Су-Сити при посадке потерпел крушение пассажирский самолет. Вожатый бойскаутского отряда кликнул своих мальчишек, и Финкель-Макгроу стоял у посадочной дорожки бок о бок со всеми каретами скорой помощи, пожарными,

врачами и медсестрами округа. Об удивительно слаженных и правильных действиях местных жителей много писали и говорили, сняли даже художественный фильм. Финкель-Макгроу не понимал почему. Они просто сделали то, что требовали обстоятельства и долг человечности; неужели его согражданам это не очевидно?

Такое слабое влияние американской культуры, возможно, объясняется тем, что до четырнадцати лет он был на домашнем обучении. Обычный день Финкеля-Макгроу состоял из прогулки к реке, где он изучал жизнь головастиков, или похода в библиотеку за книгой по древнегреческой или римской истории. Семья была небогатая, отпуск проводили с рюкзаками в Скалистых горах или на каноэ в Северной Миннесоте. За каникулы он узнал, наверное, много больше, чем его ровесники за все школьные годы. Общение с другими детьми ограничивалось бойскаутским отрядом и церковью – Финкеля-Макгроу были прихожанами методистской часовни, католического храма и крохотной синагоги, арендовавшей помещение в Су-Сити.

В старших классах государственной школы, куда отдали его родители, он учился на твердую тройку. Уроки были такие бессодержательные, другие дети такие скучные, что Финкель-Макгроу потерял интерес к занятиям. Он хорошо бегал кросс и часто побеждал в борьбе, чем заслужил определенное уважение товарищей, но никогда не пользовался им, чтобы завоевывать девочек, что в те развращенные времена не составило бы большого труда. Он был отчасти наделен досадной чертой, стремлением к нонконформизму ради нонконформизма, и вскоре убедился: ничто так не изумляет его современников, как убежденность, что одни вещи хороши, другие – дурны, и стремление жить в соответствии с этим взглядом.

После школы он год помогал родителям в их сельскохозяйственном бизнесе, затем поступил в Университет науки и техники штата Айова («наука и практика») в Эймсе. Он записался на специальность «агротехника», но после первого семестра перевелся на физфак. Оставаясь формально студентом-физиком, он слушал самые разные курсы по собственному выбору: информатика, металлургия, старинная музыка. Диплома так и не получил, не по недостатку прилежания, но из-за тогдашней политики в области высшего образования; как многие университеты, УША требовал оценок по широкому спектру предметов, в том числе искусствоведческих и гуманитарных. Финкелю-Макгроу больше нравилось читать книги, слушать музыку и ходить в театр.

Однажды летом, когда он жил в Эймсе и работал лаборантом в солидном государственном институте, случилось наводнение и город на несколько дней превратился в остров. Вместе с соседями Финкель-Макгроу три недели кряду строил дамбы из мешков с песком и пластиковых щитов. Снова его изумила реакция средств массовой информации – журналисты налетели тучами и с явным удивлением передавали, что никто не грабит опустевшие дома. Урок, полученный после крушения самолета в Су-Сити, получил новое подтверждение. Живой контраст являли беспорядки, случившиеся за год до того в Лос-Анджелесе. Финкель-Макгроу начал приходить к убеждению, которое определило его последующие политические взгляды, а именно, что люди, не будучи различными генетически, крайне разнятся культурно и что некоторые культуры просто лучше других. Это была не субъективная оценка, а здоровое наблюдение; он видел, что одни культуры процветают и распространяются вширь, другие приходят в упадок. Такой взгляд разделяли в то время практически все, но еще не высказывали вслух.

Финкель-Макгроу вышел из университета без диплома и вернулся на ферму, которой руководил в последующие несколько лет: у матери нашли рак груди, отец полностью посвятил себя больной. После смерти матери Финкель-Макгроу переехал в Миннеаполис и устроился в компанию, созданную одним из его бывших преподавателей. Фирма выпускала сканирующие туннельные микроскопы, которые позволяли разглядывать и переставлять отдельные атомы. В то время новинка представляла чисто научный интерес, и заказчиками выступали крупные исследовательские институты. Однако для человека, интересующегося нанотехнологией, лучшего было не сыскать. Финкель-Макгроу увлекся новым направлением и целыми вечерами

пропадал на работе. При его самоуверенности, упорстве и способностях («усидчив, толков, но звезд с неба не хватает») ему просто суждено было стать одним из пионеров нанотехнологической революции, а фирме, которую он основал через пять лет после переезда в Миннеаполис, – удержаться на плаву и влиться в Апторп. Так же неизбежно он должен был в последующие годы направлять политический и экономический курс Апторпа, чтобы в конце концов стать обладателем солидного пакета акций.

Он по-прежнему владел родительской фермой в Айове, как и прилегающими к ней сотнями тысяч акров, которые обратил в высокотравную прерию со стадами бизонов и живыми индейцами (те внезапно обнаружили, что скакать на конях за добычей много веселее, чем валяться в канавах Миннеаполиса или Сиэтла). Бо́льшую же часть времени он проводил в Новом Чжусине – своем, фактически, герцогстве.

– Связи с общественностью? – спросил Финкель-Макгроу.

– Сэр?

Современный этикет значительно упростился; в таком неформальном разговоре обращение «ваша светлость» было бы неуместно.

– Ваш отдел, сэр.

– Инженерный. Индпошив.

– Вот как? Я думал, Вордсворта узнают только гуманитарии-пиарщики.

– В данном случае это не так. Я инженер. Недавно назначен в Индпошив. Так случилось, что выполнял работу именно по этому проекту.

– Какую?

– В основном связанную с ПИ, – отвечал Хакворт. Допустимо предположить, что Финкель-Макгроу все еще следит за развитием науки и узнает сокращение от «псевдоинтеллект», а возможно, даже оценит такое допущение с его стороны.

Финкель-Макгроу просветлел лицом.

– Знаете, в моей молодости это называлось ИИ. Искусственный интеллект.

Хакворт позволил себе коротко улыбнуться.

– Полагаю, что в дерзости есть своя положительная сторона.

– И как здесь применялся псевдоинтеллект?

– В основном по линии МФС, сэр. – («Империал тектоникс» отвечала за остров, здания, растительность, «Машин-фаз лимитед», в которой работал Хакворт, – за все, что движется.) – Птицам, динозаврам и тому подобному вполне довольно стереотипного поведения, но кентавров и фавнов мы хотели сделать более интерактивными, чтобы создать иллюзию разумности.

– Что ж, очень, очень хорошо, мистер Хакворт.

– Спасибо, сэр.

– Мне прекрасно известно, что в Индпошив переводят лучших. Не объясните ли, как пристрастие к романтическим поэтам помогло вам достичь нынешнего вашего уровня?

Хакворт опешил. Он постарался ответить так, чтобы это не прозвучало похвальбой.

– Надеюсь, человек в вашем положении не видит здесь никакого противоречия.

– Человек в моем положении не назначал вас в Индпошив. Это сделал человек в совершенно другом положении, и я опасаюсь, что такие люди очень даже склонны видеть противоречие.

– Понимаю, сэр. Видите ли, я изучал английскую литературу в колледже.

– Ага! Значит, вы шли к инженерной работе кружной дорогой?

– Думаю, так, сэр.

– А ваши коллеги из Индпошива?

– Если я правильно понял ваш вопрос, сэр, то действительно, в сравнении с другими отделами у относительно большой доли инженеров была, так скажем, занятая жизнь.

– А что делает одну жизнь более занятой, чем остальные?

– В общем я сказал бы, что занятым мы называем все новое и непредсказуемое.

– Это почти что масло масляное. – Однако, поскольку сам лорд Финкель-Макгроу не стремился пояснить свои мысли, он сделал вид, что удовлетворен, и с минуту смотрел на играющих детей, водя тростью по земле, словно сомневался в ее устойчивости. Потом он внезапно описал тростью дугу, указывая на пол-острова.

– Как вы предполагаете, скольким из этих детей предстоит занятая жизнь?

– Ну, по меньшей мере двоим, сэр, принцессе Шарлотте и вашей внучке.

– Вы бойки на язык, мистер Хакворт, и подозреваю, склонялись бы к лукавству, если бы не ваши твердые нравственные принципы, – сказал Финкель-Макгроу немного спесиво. – Скажите, ваши родители были подданные или вы присягнули сами?

– Мне только-только исполнился двадцать один, когда ее величество – тогда еще ее королевское высочество – совершала поездку по Северной Америке перед поступлением в Стэнфорд. Я принял присягу в колледже Святой Троицы в Бостоне.

– Почему? Вы умны и, в отличие от большинства инженеров, не чужды культуре. Вы могли бы войти в Первую Распределенную Республику или в любое из синтетических землячеств на Западном побережье. Вас ожидали бы достойные перспективы и не сковывала, – тут Финкель-Макгроу ткнул тростью в сторону двух воздушных судов, – наша поведенческая дисциплина. Почему вы ограничили себя, мистер Хакворт?

– Не касаясь побуждений сугубо личного плана, – осторожно начал Хакворт, – скажу, что в детстве видел два вида дисциплины – чрезмерную и никакой. Последняя ведет к распущенности. Я употребляю это слово без всякого ханжества, просто в качестве определения того, что мне известно по опыту, так как сделало мое детство отнюдь не идиллическим.

Финкель-Макгроу, вероятно, осознал, что переступил границы дозволенного. Он кивнул.

– Это, разумеется, распространенный довод.

– Разумеется, сэр. Я никоим образом не хотел сказать, будто единственный в молодые годы пострадал от того, во что превратилась наша культура.

– Я ничего подобного и не усмотрел. Многие люди, разделявшие ваши взгляды, вошли в сообщества с куда более строгими порядками. С их точки зрения, распущенные – мы.

– Мне пришлось испытать на себе другую крайность – неоправданно строгую дисциплину, вводимую теми же, кто первоначально допустил излишние послабления. Вместе с занятиями историей это привело меня, как и многих других, к убеждению, что в прошлом столетии было мало достойного подражания и модели стабильного общественного устройства следует искать в девятнадцатом веке.

– Молодцом, Хакворт! Но вы не можете не знать, что модель общественного устройства, о которой вы говорите, ненадолго пережила первую Викторию.

– Мы во многом переросли невежество той эпохи и разрешили значительную часть собственных ей внутренних противоречий.

– Вот как? Приятно слышать. И так ли мы их разрешили, чтобы устроить всем этим детям занятую жизнь?

– Признаюсь, сэр, что не понимаю вашу мысль.

– Вы сами сказали, что индпошивовские инженеры – самые способные – вели занятую жизнь, а не двигались напрямик. Это подразумевает корреляцию?

– Очевидно.

– А значит, чтобы следующее поколение достигло своего полного потенциала, мы должны сделать их жизнь занятой. Ответьте мне, мистер Хакворт: считаете ли вы, что наши школы соответствуют подобному требованию? Или они больше похожи на школы, которыми возмущался Вордсворт?

– Моя дочь еще слишком мала, чтобы ходить в школу, но я опасаясь, что верно второе.

– Уверяю вас, мистер Хакворт, так оно и есть. Трое моих детей окончили эти школы, и уж кто-кто, а я-то их знаю. Свою внучку Элизабет я буду учить иначе.

Джон Хакворт почувствовал, что краснеет.

– Позвольте напомнить, сэ, что мы едва знакомы. Я не считаю себя достойным вашего доверия.

– Я говорю вам не как другу, а как профессионалу.

– Тогда вынужден напомнить, что я – инженер, а не детский психолог.

– Я это помню, мистер Хакворт. Вы действительно инженер, и очень талантливый, в компании, которую я по старой памяти считаю своей, хотя как лорд – привилегированный акционер уже не связан с ней непосредственно. Вы блестяще завершили работу над проектом, и теперь я намерен поручить вам новую, для которой, имею основания полагать, вы годитесь как нельзя лучше.

Бад вступает на скользкий путь; оскорбление землячеству и его последствия

Первую свою жертву Бад обчистил почти случайно. Он по ошибке свернул в тупик, куда перед тем зашли негр и негритянка с двумя детьми, и нечаянно перегородил им дорогу. Они испуганно озирались, как большинство приезжих, и Бад заметил, как папаша задержал взгляд на прицелах, видимо гадая, не смотрит ли крест нитей на него, жену или кого-нибудь из детей.

Бад даже не подумал посторониться. Он заряжен, они – нет, вот пусть и обходят. Вместо этого они застыли как вкопанные.

– Чего вы хотите? – спросил негр.

Так давно никто не проявлял живого интереса к потребностям Бада, что тому даже понравилось. Выходит, его приняли за грабителя.

– Да того же, чего остальные. Денег, всего такого, – сказал Бад.

И негр как миленький полез в карман, достал наличные юки, протянул Баду и, отступив на шаг, кроме шуток, сказал «спасибо».

Баду понравилось такое уважение со стороны черномазого – как-никак он гордился благородным рождением во флоридском трейлере, – да и деньги оказались нелишние. После этого он стал высматривать таких же испуганных черных. Эти покупают и продают с рук, поэтому носят при себе наличные. Месяца два дела шли прекрасно. Бад стал чаще заходить к своей подружке Текиле, дарил ей белье, иногда приносил Гарву шоколадку.

И Бад, и Текила считали, что Гарв у нее от Бада. Ему исполнилось пять, значит, Текила забеременела им, когда встречалась с Бадом до прошлой размолвки. Теперь она снова ходила с пузом, значит, Баду предстояло носить еще больше подарков. Тяжела отцовская доля!

Однажды Бад присмотрел особенно хорошо одетую пару. Собственно, на одежду-то он и клюнул. Мужчина был в тройке, женщина – в чистом красивом платье и держала на руках младенца в белых кружавчиках. Они даже наняли носильщика забрать из аэропорта их вещи. Носильщик был белый, смутно похожий на самого Бада. Тот даже разозлился, что гады черномазые навьючили на белого свое барахло. Словно на скотину. И вот, как только пара отошла от людного аэропорта в более пустынный район, Бад враскачку (он специально тренировался перед зеркалом) вышел им навстречу, указательным пальцем поправляя на носу прицелы.

Мужчина в тройке повел себя иначе, чем остальные. Он не притворялся, будто не видит Бада, не пытался свернуть, не втянул голову в плечи, а просто остановился и вежливо спросил: «Чем могу быть полезен, сэръ?» Выговор у него был не американский, а скорее британский, только резче. Подойдя поближе, Бад увидел, что на шее у него повязана пестрая тряпица и концы ее свободно болтаются, как у шарфа. Негр выглядел сытым и благополучным, только на одной щеке виднелся маленький шрам.

Бад продолжал идти на него, чуть запрокинув голову, словно слушает очень громкую музыку (как оно, собственно, и было), потом резко подался вперед и посмотрел негру прямо в лицо – еще один способ подчеркнуть, что ты заряжен. До сих пор это работало безотказно. Баду всегда нравилось, как они пугаются, но этот даже не поежился. Может, в его Черляндии не слышали про лобешники.

– Сэр, – сказал негр, – мы с моей семьей направляемся в гостиницу. Мы устали с дороги, у моей дочери болит ухо. Буду очень обязан, если вы изложите свое дело по возможности кратко.

– Ишь ты, гребаный вик нашелся, – сказал Бад.

– Сэр, я не тот, кого вы называете виком, иначе бы я немедленно развернулся и ушел. Прошу вас любезно выбирать выражения в присутствии моих жены и ребенка.

Некоторое время Бад переваривал последнюю фразу, и постепенно до него дошло: черному и впрямь не безразличны несколько ругательств, произнесенных рядом с его семьей.

Только через минуту он окончательно въехал, что негр смеет указывать ему, Баду, накачанному детине в прицелах.

– Я буду говорить при твоей гребаной сучке и твоём гребаном пашенке что захочу, – сказал Бад нарочито громко и поневоле расплылся в улыбке. Один-ноль в пользу Бада.

Негр огляделся скорее нетерпеливо, чем испуганно, и тяжело вздохнул.

– Это что, вооруженный грабеж? Вы уверены, что отдаёте себе отчет в своем поступке?

Вместо ответа Бад прошептал «пли!» и выпустил разрывную пулю черному в правый бицепс. Она взорвалась уже в мускуле, как М-80, прожгла дыру в рукаве. Рука подскочила и выпрямилась – трицепс тянул, не встречая сопротивления. Негр сжал зубы, выкатил глаза и сдавленно засопел, силясь не закричать. В груди у него забулькало. Бад заворуженно смотрел на рану. Все было, как в рактюшнике.

Только сучка не завизжала и не взмолилась о пощаде. Она просто повернулась спиной, заслоняя ребенка, и через плечо спокойно смотрела на Бада. Тот заметил у нее на щеке такой же маленький шрам.

– Следующий – глаз, – сказал Бад. – Потом займусь твоей шлюхой.

Негр поднял левую руку ладонью наружу, показывая, что сдается, вытащил из кармана пачку Универсальных валютных единиц и протянул Баду. Тот успел струхнуть, потому что устройства слежения – миниатюрные аэростаты, снабженные ушами, глазами и радиопередатчиком, – наверняка засекали выстрел. Один такой просвистел мимо Бада, когда тот огибал угол – волосок коротенькой антенны молнией блеснул в отраженном свете.

Через три дня Бад слонялся возле аэродрома в поисках подходящей добычи, когда на взлетную полосу опустился большой дирижабль из Сингапура. Среди двух тысяч пассажиров выделялась плотная группа высоченных черных-пречерных негров в тройках, с цветастыми шарфами на шее и маленькими шрамами на скуле.

В тот вечер Бад впервые услышал слово «ашанти». «Еще двадцать пять ашанти прилетели из Лос-Анджелеса!» – сообщил мужчина за стойкой. «У ашанти большая встреча в конференц-зале «Шератона», – сказала женщина на улице. В очереди к бесплатному матсборщику оборванец похвалился: «Один ашанти дал мне пять юк. Отличные ребята!»

Бад случайно наткнулся на старого знакомого (вместе работали маньками) и сказал между прочим:

– Ишь, сколько этих ашанти понаехало!

– Угу, – отвечал приятель, который, похоже, не ожидал встретить Бада на улице и с первых слов принялся крутить головой из стороны в сторону, словно озираясь.

– Конфекция у них какая-то, что ли, – рассуждал Бад. – Я тут сделал одного на днях.

– Знаю, – сказал приятель.

– Откуда?

– Никакая у них не конфекция, Бад. Все эти ашанти, кроме первого, приехали в город по твою душу.

У Бада парализовало голосовые связки, голова стала пустой-препустой.

– Мне пора, – сказал дружок и куда-то слинял.

В следующие несколько часов Баду мерещилось, что прохожие на него пялятся. Сам он точно разглядывал всех встречных и поперечных, высматривая тройки и цветастые шарфы. Однако он засек мужика в шортах и майке – негра с очень высокими скулами, на одной из которых выделялся шрам, и почти азиатскими, напряженно рыщущими глазами. Значит, не все ашанти одеты одинаково.

На берегу Бад махнул черную косуху на майку и шорты. Майка была мала, она резала под мышками и давила на мускулы, так что вечное подергивание досаждало сильнее обычного. Хоть бы выключить стимуляторы и пусть ночь да проспаться спокойно, но это значило бы идти в ателье, а там наверняка засели ашанти.

Можно было пойти в бордель, но кто знает этих ашанти, как они насчет борделей – и вообще, кто они, к хренам собачьим, такие, – к тому же он был не уверен, что у него сегодня получится.

Он брел по Арендованным Территориям, готовый прицелиться в любого встречного негра, и размышлял о несправедливости происшедшего. Откуда ему было знать, что этот черный принадлежит к землячеству?

Вообще-то надо было догадаться: по одежде, по особой манере себя держать. Сама эта непохожесть должна была навести на мысль. Да еще бесстрашие. Как будто этот черный не верил, что найдется дурак, который посмеет его ограбить.

Ладно, Бад спорил глупость, у Бада нет своей общины, и теперь Бад по уши в дерьме. Баду нужно срочно к кому-то приткнуться.

Несколько лет назад он пытался прийти к бурам. Буры были для его типа белой босоты тем же, что ашанти для большинства черных. Рослые блондины в допотопных костюмах, обычно с полудюжиной ребятишек, – вот кто своего не выдаст! Бад раза два заходил в местные лагерь, смотрел их обучающие рактюшники на домашнем медиатроне, убил несколько лишних часов в спортзале, пытаясь вытянуть нужные физические показатели, даже отсидел на двух занятиях в воскресной школе. Короче, Бад и буры друг другу не подошли. Это же мрак, сколько они ходят в церковь, – почитай, не вылезают оттуда! Бад пытался учить их историю, но столько бурско-зулусских стычек запомнить просто невозможно – голова не резиновая. И так, это отпадает – в лагерь он не пойдет.

К викам, разумеется, нечего и соваться, все равно не возьмут. Почти все остальные общины строятся по расовому признаку, вроде этих парсов. Чтобы прибиться к жидам, надо отрезать кусок известно откуда и выучиться читать на их языке. Для Бада, который и английскую-то грамоту не осилил, это было слишком. Оставалось несколько ценобиотических сообществ – религиозных землячеств, куда принимают всех, но они сплошь хилые и не имеют анклавов на Арендованных Территориях. Мормоны сильны и основательно здесь закрепились, но Бад сомневался, что они примут его так сразу. Оставались землячества, которые возникают на ровном месте – синтетические филы, – но они в основном держатся на общем ремесле, или заумной идее, или обрядах, которые в полчаса не освоишь.

Наконец, около полуночи, Бад миновал мужика в нелепом сером пиджаке и шапке с красной звездой, который совал прохожим красные книжечки. Тут его осенило: «Сендеро»*. Большинство сендеристов – корейцы или инки, но они берут всех. У них отличный анклав на Арендованных Территориях, мощно укрепленный, и все они, до последнего, подвинуты на своем учении. Справиться с несколькими десятками ашанти для них – раз плюнуть. И все, что от тебя требуется, – пройти в ворота. Они принимают всех и ни о чем не спрашивают.

Он, правда, слышал, что у коммунистов житье не сахар... Ну и хрен с ними, можно почистить из красной книжечки, пока ашанти не отвалят обратно, а там сделать ноги.

Теперь ему было невтерпеж добраться до ворот, он еле сдерживался, чтобы не перейти на бег и не привлечь внимание ашанти, которые могут оказаться в толпе. Слишком обидно – быть на волосок от спасения и засыпаться в последний момент.

Он обогнул угол и увидел четырехэтажное здание «Сендеро» в конце квартала, весь фасад – один огромный медиатрон с маленькими воротами посередине. С одной стороны Мао махал рукой невидимым толпам, рядом скалила лошадиные зубы его жена, из-за плеча выглядывал бровастый кореш Линь Бяо, с другой – председатель Гонсало наставлял маленьких детей, а посередине десятиметровые буквы призывали крепить верность идеалам маоизма-гонсализма.

Ворота, как всегда, охраняли пионеры в красных галстуках и нарукавных повязках, вооруженные древними винтовками со скользящим затвором и настоящими штыками. Беленькая девочка и пухлый мальчишка-азиат. Бад и его сын Гарв от нечего делать часто пытались

их рассмешить: строили рожи, кривлялись, рассказывали анекдоты – все без мазы. Но ритуал он знал: они скрестят винтовки, преградят путь и не пропустят, пока ты не поклянешься в верности идеалам маоизма-гонсализма, а тогда...

Лошадь, или что-то похожее на лошадь, рысью вылетело на улицу. Бад узнал четвероного верхового робота – робобылу.

На робобыле сидел негр в очень яркой одежде. Достаточно рисунка ткани, даже не надо отыскивать глазами шрам, и так ясно: ашанти. Завидев Бада, он включил следующую передачу – галоп, собираясь отрезать дорогу к «Сендеро». Из лобешника его было не достать – у бесконечно малых пуль до обидного малая дальность поражения.

Бад услышал легкий шум, обернулся. Что-то шмякнулось ему в лоб и прилипло здесь. На него шли два босых ашанти.

– Сэр, – сказал один, – я не советовал бы вам прибегать к своему оружию, если вы не хотите, чтобы магазин взорвался у вас в голове. А?

Он улыбнулся, показывая невероятно правильные белые зубы, и дотронулся до лба. Бад поднял руку и нащупал что-то клейкое в точности напротив лобешника.

Робобыла снова перешла на рысь, всадник поравнялся с Бадом. Внезапно всю улицу заполнили ашанти. Интересно, как давно они за ним шли? Все широко улыбались, все держали в руках маленькие устройства – указательный палец вытянут вдоль ложа, дуло смотрит в мостовую. Внезапно всадник подал команду, и все дула уставились на Бада.

Снаряды ударили в кожу, в одежду и разлетелись в стороны, разматывая ярды и ярды невесомой пленки, которая тут же слипалась в комки. Один попал Баду в затылок, клейкая штукovina облепила ему лицо. Она была не толще мыльного пузыря, так что он продолжал видеть – хуже того, не мог бы закрыть глаза, даже если бы захотел, потому что одно веко вернулось наружу, – и окружающие предметы стали радужными, словно в мыльной пленке.

Все заняло от силы полсекунды. Бад, спеленутый, как мумия, начал падать вперед, один из ашанти подхватил его, уложил на мостовую и перекатил на спину. Кто-то проткнул пленку перочинным ножиком, чтобы Бад мог дышать ртом.

Несколько ашанти начали привязывать к кокону ручки, две на плечах, две на лодыжках, наездник спешил и опустился рядом на колени.

У него на щеке было несколько заметных рубцов.

– Сэр, – произнес он с улыбкой, – я обвиняю вас в нарушении нескольких положений Общего Экономического Протокола – каких именно, разъясню в более удобное время, – а сейчас арестую вас именем закона. Да будет вам известно, что задержанный таким образом будет подвергнут самым суровым карам при всякой попытке оказать сопротивление, которое – ха-ха! – в настоящий момент представляется маловероятным, но процедура требует, чтобы я вас уведомил. Поскольку эта территория относится к национальному государству, признающему Общий Экономический Протокол, ваше дело будет рассматриваться в рамках юридических установлений упомянутого национального государства, в данном случае – Китайской Прибрежной Республики. Национальное государство может предоставлять либо не предоставлять вам дополнительные права; это мы выясним в самом скором времени, как только изложим ситуацию представителю соответствующих властей. А вот, кажется, и он.

По улице приближался констебль шанхайской полиции в сопровождении двух ашанти на мотороликах. К подошвам его были пристегнуты ногоступы, и он двигался вприпрыжку, как все, кто надевает это устройство. Ашанти улыбались, показывая все тридцать два зуба, констебль хранил профессиональную невозмутимость.

Главный ашанти поклонился констеблю и выдал еще одну пространную цитату из положений Общего Экономического Протокола. Тот кивал, как китайский болванчик, потом повернулся к Баду и на одном дыхании выпалил:

– Являетесь ли вы членом племени – участника ОЭП, землячества, филы, зарегистрированной диаспоры, клана, квазинациональной общности франшизно-лицензионного типа, суверенного государства либо иной формы динамического коллектива, обладающего статусом в рамках ОЭП?

– Издеваешься? – спросил Бад. Пленка стягивала рот, получалось кваканье.

Четверо ашанти ухватились за ручки, оторвали Бада от земли и побежали за скачущим вприпрыжку констеблем в направлении дамбы, ведущей через море в Шанхай.

– Как насчет других прав? – проквакал через пленку Бад. – Он сказал, у меня могут быть другие права.

Констебль осторожно, чтобы не потерять равновесие, обернулся через плечо.

– Не смейся, приятель, – сказал он на вполне сносном английском. – Это Китай.

Утренние размышления Хакворта; завтрак и уход на работу

Джону Персивалю Хакворту не спалось – мешали мысли о намеченном на завтра преступлении. Трижды он вставал якобы в туалет, и каждый раз смотрел на Фиону: разметавшись в белой ночной сорочке, руки над головой, она плыла на спине в объятиях Морфея. Лицо ее еле угадывалось в темной комнате, похожее на луну за складками плотных шелковых занавесок.

В пять утра с северокорейских медиатронов донеслась пентатонная побудка. Их анклав, называемый «Сендеро», располагался почти на уровне моря, на милю ниже домика Хаквортов, днем там было градусов на двадцать жарче, но всякий раз, как женский хор пронзительно заводил про всевидящую благодать Мудрого Вождя, казалось, что вопят под самым окном.

Гвендолен даже не шевельнулась. Она будет крепко спать еще час или пока Тиффани-Сью, горничная, не вбежит в комнату и не начнет с шумом доставать одежду: эластичное белье для утренних занятий на тренажере, деловое платье, перчатки, шляпку и вуаль на потом.

Хакворт достал из шкафа шелковый халат. Подпоясываясь в темноте кушаком, чувствуя на пальцах холодок скользящей бахромы, он глядел через дверь на гардеробную Гвендолен и в другую сторону, на ее будуар. Под дальним окном стоял стол. Здесь она занимается светской перепиской – обычный стол со столешницей из цельной мраморной плиты, на нем – неразобранные визитные карточки, письма, приглашения. Пол будуара покрывал старый ковер, вытертый местами до джутового основания, однако ручной работы, сделанный еще настоящими китайскими заключенными в династию Мао. Единственным его назначением было защищать пол от тренажеров Гвендолен, поблескивающих в тусклом свете облачного шанхайского неба. Беговая дорожка с изящными чугунными завитушками. Гребной тренажер из морских змей и упругих nereid. Силовой снаряд поддерживают четыре прекрасозадые кариатиды – не толстомясые гречанки, но современные женщины, по одной на главные расовые группы, каждый трицепс, ягодичная, широчайшая, портняжная мышцы, прямая мышца живота – отдельная песня. Поистине классическое зодчество. Кариатиды призваны были служить ролевыми моделями и, несмотря на легкие расовые отличия, в точности соответствовали современному канону: талия пятьдесят шесть сантиметров, жировая масса не более семнадцати процентов. Такую фигуру не создашь за счет утягивающего белья, что бы там ни сулила реклама в женских журналах – модные сейчас длинные облегающие лифы и ткани тоньше мыльного пузыря сразу вскроют обман. Женщины, не обладающие железной волей, достигали такого результата исключительно с помощью горничных, которые заставляли их по два, а то и по три раза в день обливаться потом на тренажерах. Так что, как только Гвендолен перестала кормить грудью и впереди замаячил день, когда ей придется спрятать просторное платье, им пришлось нанять Тиффани-Сью – еще один расход в бесконечной череде трат на ребенка, о которых Хакворт и не подозревал, пока не начали приходить счета. Гвен полушутя обвиняла его в слабости к Тиффани-Сью. Такое обвинение стало почти нормой в сегодняшней супружеской жизни, поскольку все горничные были молоденькие, хорошенькие и гладенькие. Однако Тиффани-Сью была типичная плебка, громогласная, неотесанная и ярко покрашенная; Хакворт терпеть ее не мог. Если он на кого и заглядывался, то исключительно на кариатид; по крайней мере, они выдержаны в безупречном вкусе.

Миссис Халл не слышала, что он проснулся, и продолжала сонно возиться у себя в комнате. Хакворт положил ломтик хлеба в тостер и вышел на балкон с чашкой чая, подышать утренним ветерком с эстуария Янцзы.

Дом Хаквортов стоял в ряду таких же коттеджей и выходил на длинный, в целый квартал, парк, где немногие ранние пташки уже делали зарядку или выгуливали спаниелей. Ниже на склонах Нового Чжусина просыпались Арендованные Территории. Сендеристы валили из

казарм и строились на улицах в шеренги, чтобы под заунывный речитатив выполнить утреннюю гимнастику. Остальные плебы, ютящиеся в анклавах своих синтетических землячеств, включили медиатроны, чтобы заглушить сендеристов, и начали палить из ружей или хлопушек (Хакворт так и не научился различать по звуку), а чокнутые любители, будь они неладны, заводили свои антикварные драндулеты на двигателях внутреннего сгорания – чем громче, тем лучше. Рабочие строились в ежедневную очередь к метро до Большого Шанхая, который отсюда казался огромным, в полгоризонта, штормовым фронтом озаренного неоном, пахнущего угольной крошкой смога.

Район носил прозвание «Зона слышимости», но Хакворт не так и страдал от шума. Признаком лучшего воспитания или претензии на таковое было бы вечное нытье о домике или даже вилле чуть дальше от побережья.

Наконец колокола Святого Марка пробили шесть. Миссис Халл влетела в кухню с последним ударом, шумно устыдилась, что Хакворт ее опередил, и не менее шумно ужаснулась вторжению в свою вотчину. Матсборщик в углу включился автоматически и начал создавать ногоступы, в которых Хакворту предстояло идти на работу.

Последний удар еще не затих, как – чух-чух-чух – включился огромный вакуумный насос. Инженеры Королевской вакуумной станции создавали эвтактическую среду. Работали большие насосы, может быть, даже циклопы, и Хакворт заключил, что возводится нечто большое, вероятно, новое крыло университета.

Он сел за кухонный стол. Миссис Халл уже мазала джемом оладушку. Хакворт взял большой лист чистой бумаги, сказал: «Как обычно», и лист перестал быть белым – теперь Хакворт держал в руках первую страницу «Таймс».

Он получал все новости, соответствующие его положению в обществе, плюс некоторые дополнительные опции: последние произведения любимых карикатуристов и обозревателей со всего мира; курьезные вырезки, которые присылал отец, убежденный, что за все эти годы недостаточно образовал сына; заметки об уитлендерах – субобщине Новой Атлантиды, составленной несколько десятилетий назад британскими беженцами из Южной Африки. Мать Хакворта была из уитлендеров, и он подписывался на эту услугу.

Джентльмены, занимающие более высокие и ответственные посты, вероятно, получали другую информацию, иначе поданную, а верхушке Нового Чжусина каждое утро часа в три доставляли бумажные «Таймс», отпечатанные на большом старинном станке тиражом в сотню экземпляров.

То, что сливки общества читали новости, написанные чернилами на бумаге, показывает, как сильно Новая Атлантида старалась выделиться из всех современных ей фил.

Сейчас, когда нанотехнология сделала доступным почти все, вопрос, что можно с ее помощью сделать, уступил место другому: что должно. Одним из прозрений Викторианского Возрождения стало открытие, что вовсе не такое благо просматривать по утрам собственную выборку новостей, и чем выше человек поднимался по социальной лестнице, тем больше его «Таймс» походило на газету его коллег.

Хакворт ухитрился почти закончить туалет, не разбудив Гвендолен, но она заворочалась, когда он пристегивал цепочку часов к многочисленным жилетным пуговкам и кармашкам. Кроме часов на ней болтались и другие талисманы: табакерка (щепотка табаку иногда помогала ему взбодриться) и золотая авторучка, которая мелодично позвякивала всякий раз, как приходила почта.

– Счастливо поработать, дорогой, – пробормотала Гвен, потом заморгала, нахмурилась и уставилась в ситцевый балдахин над кроватью. – Ты ведь сегодня заканчиваешь?

– Да, – сказал Хакворт. – Вернусь поздно. Очень поздно.

– Понимаю.

– Нет, не понимаешь. – Хакворт осекся. Сейчас или никогда.

– Да, милый?

– Дело не в том – проект сам себя завершит. Но после работы я собираюсь сделать кое-что приятное для Фионы.

– Не знаю, что ей было бы приятнее, чем увидеть тебя за ужином.

– Нет, дорогая. Это совсем иное. Обещаю.

Он поцеловал ее и пошел к двери. Миссис Халл ждала со шляпой в одной руке и портфелем в другой. Ногоступы она уже вынула из МС и поставила у выхода; устройству хватило ума понять, что оно находится в помещении, подогнуть длинные ноги и расслабиться. Хакворт встал на пластины, ремешки вытянулись и сомкнулись на его ногах.

Он убеждал себя, что путь к отступлению пока открыт, когда взгляд его поймал рыжий отблеск. Хакворт поднял глаза и увидел, что Фиона с распущенными огненными волосами крадется в ночной рубашке по коридору, чтобы напугать Гвендолен, и по лицу ее прочел, что она все слышала. Он послал ей воздушный поцелуй и решительно вышел в дверь.

Суд над Бадом; примечательные черты конфуцианской системы судопроизводства; он получает приглашение совершить короткую прогулку по длинному пирсу

Последние несколько дней Бад провел под открытым небом, на тюремном дворе в низкой зловонной дельте реки Чанцзян (как говорили тысячи его сокамерников), или, как называл ее сам Бад, Янцзы. Двор огораживали воткнутые через каждые несколько метров бамбуковые шесты, на их концах весело трепыхались лоскутки оранжевого пластика. Однако в Бада было вмонтировано еще одно устройство, и он знал, что ограда вполне реальна. Там и сям по другую сторону шестов валялись трупы со зловещими следами от дыроколов. Бад думал, что это самоубийцы, пока не увидел, как происходит самосуд: заключенного, укравшего чужие ботинки, подхватили на руки и стали передавать над толпой, как разгоряченные фанатики – рок-кумира; тот отчаянно цеплялся за что попало, но всякий раз оказывался ближе к ограде. Наконец, возле самых шестов, его раскачали и бросили: тело взорвалось, пролетая над невидимым периметром двора.

Но даже постоянная угроза расправы не шла в сравнение с москитами, и когда в ухе прозвучал приказ явиться в северо-восточный угол загона, Бад не мешкал ни секунды – отчасти потому, что торопился отсюда выбраться, отчасти потому, что знал: не пойдешь добром, погонят дистанционным управлением. Если бы ему велели идти напрямик в здание суда, он бы точно так же пошел, но из церемониальных соображений к нему приставили копа.

Судебный зал представлял собой бедно обставленное, высокое помещение в одном из старых зданий на Банде. В одном конце возвышался помост, на нем стоял накрытый алой скатертью древний складной стол. На скатерти золотыми нитками был выткан не то дракон, не то единорог, не то какая-то другая мюра – кто их разберет, этих мифических животных.

Вошел судья, и один из помощников – здоровенный круглоголовый китаец, от которого дразняще пахло ментоловыми сигаретами, – представил его как судью Вана. Констебль, который привел Бада, указал на пол. Бад, зная, что это значит, бухнулся на колени и приложился лбом к полу.

Второй помощницей оказалась крохотная амеразийка в очках. Очков от близорукости никто давно не носил, так что это наверняка был какого-то рода фантаскоп – прибор, позволяющий видеть то, чего на самом деле нет, как в рактивной игре. Только если их надевают не для развлечения, то зовут более мудреным словом – феноменоскоп.

Фантаскопическую систему можно вживить прямо в сетчатку, как Баду врастили акустическую в барабанные перепонки. Можно даже вмонтировать телестетическое устройство в разные ключевые позвонки, но, говорят, от этого со временем разрушаются нервы, да еще, по слухам, хакеры из крупных медиакомпаний научились взламывать встроенную защиту и гонять рекламу на краю твоего зрения (а то и в самой середине), даже когда ты закрываешь глаза. Бад знал одного малого, так тот где-то подхватил мем, который двадцать четыре часа в сутки крутил ему в правом нижнем углу зрительного поля рекламу вшивых мотелей на хинди, пока бедолага не наложил на себя руки.

Судья Ван оказался на удивление молодым, ему, видимо, не было даже сорока. Он сел за накрытый красной скатертью стол и заговорил по-китайски. Двое помощников стояли рядом. В зале сидел сикх; он встал и что-то сказал судье на китайском. Ума не приложить, откуда здесь взялся сикх, но Бад уже привык, что сикхи возникают в самых неожиданных местах.

Судья Ван сказал с нью-йоркским акцентом:

– Представитель Протокола выразил пожелание, чтобы слушания велись на английском. Есть возражения?

Был в зале и ограбленный – руку он держал немного неловко, но в остальном выглядел совершенно здоровым – и его жена.

– Я – судья Ван, – сказал судья, глядя прямо на Бада. – Можете обращаться ко мне «ваша честь». Итак, Бад, присутствующий здесь мистер Квамина обвиняет вас в действиях, противоречащих закону Прибрежной Республики. Вам также вменяются преступления, караемые в рамках Общего Экономического протокола, который мы подписали. Эти противоправные действия тесно связаны с упомянутыми выше правонарушениями, но слегка отличаются. Вам понятно?

– Не совсем, ваша честь, – сказал Бад.

– Мы считаем, что ты грабанул вон того мужика и продырявил ему граблю, – сказал Ван, – а у нас такого не любят. Усек?

– Да, сэр.

Судья Ван кивнул сикху, и тот начал:

– Устав ОЭП охватывает все виды взаимодействий между физическими и юридическими лицами. Кража – одно из таких взаимодействий, нанесение телесных увечий – другое, поскольку влияет на способность жертвы защищать себя экономически. Так как Протокол не претендует на суверенный статус, при рассмотрении подобных дел мы работаем в сотрудничестве с правоохранительными и судебными органами страны – участницы ОЭП.

– Бад, вы знакомы с конфуцианской системой судопроизводства? – спросил Ван. (У Бада голова пошла кругом – он все время вертел шеей туда-сюда, как болельщик на теннисном матче.) – Полагаю, нет. Так вот, хотя Прибрежная Республика не может считаться строго, или даже отдаленно, конфуцианской, мы придерживаемся данной системы судопроизводства – мы пользовались ею несколько тысяч лет и не считаем такой уж плохой. Суть в том, что я совмещаю в себе несколько обязанностей: следователя, судьи, присяжных и, при необходимости, палача.

Бад ослабил до ушей и вдруг понял, что судья Ван настроен отнюдь не шутливо. По нью-йоркской манере речи Бад поначалу принял его за свойского малого, а зря.

– Итак, в первом своем качестве, – продолжал судья Ван, – я попросил бы вас, мистер Квамина, сказать, узнаете ли вы подозреваемого.

– Это он, – сказал мистер Квамина, направляя на Бада указательный палец, – угрожал мне, ранил меня и присвоил мои деньги.

– А вы, миссис Кум? – произнес судья Ван и специально для Бада добавил: – В их обществе женщина не берет себе фамилию мужа.

Миссис Кум только кивнула в сторону Бада и сказала:

– Он – виновная сторона.

– Мисс Бао, есть у вас что добавить?

Маленькая женщина в очках посмотрела на Бада и сказала на техасском английском:

– Из лба подозреваемого я извлекла наноснарядную пусковую установку с голосовым приводом, обычно называемую лобомет, заряженную тремя типами пуль, в том числе разрывными, того же типа, что были использованы против мистера Квамины. Наноисследования серийных номеров и сравнение с осколками, извлеченными из раны мистера Квамины, показывают, что пули, примененные против мистера Квамины, были выпущены из установки подозреваемого.

– Сука, – сказал Бад.

– Ладушки, – сказал судья и потер виски. Через секунду он повернулся к Баду: – Вы виновны.

– Эй! Разве мне не положен адвокат? – вскричал Бад. – Я требую!

– Не бзди, – сказал судья Ван.

Тут снова поднялся сикх.

– Поскольку у ответчика нет сколько-нибудь серьезных денежных накоплений либо иного имущества, а стоимость его труда слишком мала, чтобы компенсировать истцу понесенное увечье, Протокол прекращает заинтересованность в дальнейшем ведении дела.

– Ясно, – сказал судья Ван. – Бад, дружище, есть ли у тебя нетрудоспособные иждивенцы?

– Есть подружка, – сказал Бад, – а у нее – сын по имени Гарв, от меня, если мы правильно посчитали. И вроде она снова беременна.

– Вы предполагаете или уверены?

– Была беременна, когда я заглядывал последний раз – месяца два назад.

– Ее имя?

– Текила.

Молодая женщина – стажер по линии Протокола – фыркнула и зажала рот рукой. Сикх закусил губу.

– Текила? – недоверчиво переспросил судья Ван. Стало видно, что он рассматривал немало подобных дел и не прочь для разнообразия повеселиться.

– На Арендованных Территориях проживает девятнадцать женщин с таким именем, – прочла мисс Бао по феноменоскопу, – одна из них три дня назад родила девочку, зарегистрированную под именем Неллодия. У нее есть пятилетний сын Гарвард.

– Фу ты, – сказал Бад.

– Поздравляю с прибавлением семейства, – сказал судья Ван. – По вашей реакции я заключаю, что оно явилось для вас неожиданностью. Можно считать доказанным, что ваши отношения с названной Текилой крайне непрочны, так что я не вижу смягчающих обстоятельств, которые следовало бы учесть при вынесении приговора. Посему я просил бы вас выйти в эту дверь, – судья Ван указал на дальний конец зала, – спуститься по лестнице и пересечь улицу. Там вы увидите реку и пирс. Идите по пирсу, пока не окажетесь в красной его части, там встаньте и ждите дальнейших указаний.

Бад мялся, но судья Ван нетерпеливо указал ему на дверь, так что он спустился по лестнице и вышел к Банду – улице, идущей вдоль набережной Хуанпу и застроенной большими домами в европейском вкусе. Подземный переход вывел его к самой реке. По набережной спешили китайцы, сновали туда-сюда безногие на тележках. Несколько пожилых китайцев принесли акустическую систему и танцевали под медленную старинную музыку. В другую минуту и музыка, и танец возмутили бы Бада своим дебилизмом, но сейчас он смотрел, как здоровые, благополучные люди кружатся в обнимку по мостовой, и ему сделалось грустно.

Наконец он нашел нужный пирс. По пути пришлось оттеснить плечом китаезов с длинным матерчатым свертком, которые пытались пройти на пирс раньше него. Вид отсюда открывался прекрасный: старые здания Банда позади, головокружительные неоновые небоскребы Пудунской экономической зоны по другому берегу, и на их фоне – череда идущих по реке тяжело нагруженных барж.

Пирс был выкрашен красным только в самом конце, где начинался пологий спуск; его покрывало что-то вязкое, так что ноги совсем не скользили. Бад обернулся на увенчанное куполом здание суда, ища окошко, из которого выглянет судья Ван или кто-то из его присных. Китайское семейство со свертком тоже вышло на пирс. Сверток украшали гирлянды цветов, и Бад догадался, что это – тело усопшего родственника. Он слышал, что такие пирсы зовут погребальными.

Несколько десятков микровзрывных устройств, известных под названием «дыроколы», седетонировали в его крови.

Нелл осваивает матсборщик; детская опрометчивость; все заканчивается хорошо

Нелл выросла, так что перестала помещаться на старом матрасике, и Гарв, ее старший брат, пообещал раздобыть новый. Он сказал, что уже большой, ему можно. Нелл пошла за ним на кухню, где было несколько важных шкафчиков с выпуклыми дверцами. Одни были холодные, другие теплые, некоторые с окошками, а еще некоторые жужжали или разговаривали. Нелл часто видела, как Гарв, или Текила, или кто-нибудь из ее дружков вынимал оттуда еду на разных стадиях готовности.

Один шкафчик назывался МС. Он был встроен в стену над кухонным столом. Нелл принесла стул и стала смотреть, что делает Гарв. Дверца МС представляла собой медиатрон – так называется все, что показывает картинки, или звучит, или и то, и то. Гарв ткнул в него пальцем, и на дверце появились маленькие движущиеся значки. Нелл это напонило рактюшники, в которые она играла на большом медиатроне в гостиной, когда место не занимал кто-нибудь из старших.

– Что это? – спросила Нелл.

– Медиаглифы, – холодно ответил Гарв. – Когда-нибудь ты научишься их читать.

Нелл уже некоторые знала.

– Красный или синий? – великодушно поинтересовался Гарв.

– Красный.

Гарв особенно театрально ткнул пальцем, и появился новый медиаглиф, белый круг с узким зеленым сектором. Сектор расширялся. Медиатрон заиграл музыку – это значило, что надо подождать. Гарв пошел к холодильнику и достал себе с Нелл по пакету сока. С ненавистью взглянул на медиатрон.

– Просто смешно, до чего он медленный, – сказал Гарв.

– Почему?

– Потому что у нас дешевая подачка, всего несколько граммов в секунду. Тоска.

– А почему у нас дешевая подачка?

– Потому что это дешевый дом.

– Почему дешевый?

– Потому что другой нам не по карману, – сказал Гарв. – Конкуренция, понимаешь. Китайцы совсем себя не уважают, готовы работать за гроши. Вот и маме приходится работать за гроши. – Он снова взглянул на МС и покачал головой. – В Блошином цирке во-о такущая подача. – Он вытянул руки и развел в стороны, показывая, какая большая. – А эта, небось, с твой мизинчик.

Он отошел от МС, как будто не мог больше находиться с ним в одном помещении, быстро высосал сок, вернулся в комнату и включил рактюшник. Нелл продолжала смотреть, как растет зеленый клинышек, как превращается в полукруг. Теперь перед ней был белый сектор на зеленом фоне, он все убывал и убывал. Музыка заиграла громче и смолкла в то самое мгновение, как клинышек исчез совсем.

– Готово! – крикнула она.

Гарв поставил рактюшник на паузу, вразвалку вернулся на кухню и ткнул по медиаглифу, на котором была изображена дверца, – она все время открывалась и закрывалась. МС громко зашипел. Нелл испугалась, и Гарв, видя это, взъерошил ей волосы – отбиваться она не могла, потому что обеими руками зажала уши.

– Надо выпустить вакуум, – объяснил Гарв.

Шипение прекратилось, дверца со щелчком распахнулась. Внутри, аккуратно сложенный, лежал новый матрасик Нелл.

– Дай! Дай сюда! – завизжала она, злясь, что Гарв трогает ее вещь.

Гарв еще секунду поиграл в «ну-ка отними», потом смиловился и отдал. Нелл опрометью вбежала в их с Гарвом комнату и что есть силы хлопнула дверью. Заврик, Утя, Питер и Мальвина ее ждали. «У меня новая постелька!» – объявила она, схватила старый матрасик и забросила в угол, а новый начала аккуратно расправлять на полу. Он оказался до обидного тонким, совсем как одеяло, но стоило развернуть его до конца, как он засопел с присвистом, совсем тихо, как Гарв, когда спит, и раздулся в настоящий матрас. Нелл сгребла Заврика, Утю, Питера и Мальвину в охапку и просто для проверки подпрыгнула на нем раз сто.

– Нравится? – спросил Гарв, всовывая голову в дверь.

– Нет! Уходи! – завопила Нелл.

– Это и моя комната тоже, – сказал Гарв. – Надо декнуть старый.

Потом Гарв ушел с друзьями, и Нелл на некоторое время осталась одна. Она решила, что ее детям тоже нужны матрасики, поэтому взяла стул, взобралась на кухонный стол и попыталась прочесть медиаглифы на МС. Многих она не знала, но помнила, что Текила в таких случаях просто говорит, и попробовала поступить так же.

– Пожалуйста, спроси разрешения у старших, – отвечал на все медиатрон.

Нелл поняла, почему Гарв тычет пальцем, а не говорит словами. Она довольно долго перебирала медиаглифы, пока не нашла тот, который Гарв выбрал для матрасика. На одном были мужчина и женщина в очень большой кровати, на другой они же – в кровати поменьше. Один мужчина. Один ребенок. Младенчик.

Нелл выбрала младенчика. Появился белый кружок с красным клинышком, заиграла музыка, МС зашипел и открылся.

Нелл расстелила матрасик на полу перед динозавриком, который, такой глупышка, не знал, как прыгать, и Нелл ему показала. Потом она вернулась к МС и сделала матрасики для Ути, Питера и Мальвины. Теперь комната оказалась покрыта матрасиками. Нелл подумала, как бы хорошо иметь широкий, на весь пол, и сделала два самых больших. Потом она сделала новый матрас для Текилы и еще один для Текилиного друга, Рога.

Когда вернулся Гарв, лицо его выразило нечто среднее между ужасом и восхищением.

– Мама скажет Рогу, и он нас убьет, – сказал он. – Надо быстрее все декнуть.

Легко пришло, легко ушло. Нелл объяснила детям, что случилось, и помогла затолкать все матрасы, кроме первого, в мусорный ящик. Гарву пришлось что есть силы налечь на дверцу, чтобы она закрылась.

– Ну, только бы все декнулось, пока не пришла мама, – сказал Гарв. – Это долгая история.

Потом они легли спать и долго лежали с открытыми глазами, в страхе, что хлопнет входная дверь, но ни мама, ни Рог так и не пришли. Мама заявила под утро, переделась в платье, фартук и белую наколку, а потом сразу ушла к викам. Вчерашнюю одежду она оставила на полу, а не бросила, как обычно, в ящик. Когда Гарв позже открыл дверцу, там уже ничего не было.

– Пронесло, – сказал он. – И давай поосторожней с матсборщиком, Нелл.

– А что такое матсборщик?

– Мы сокращенно зовем его МС.

– Почему?

– Потому что МС значит матсборщик, по крайней мере, так говорят.

– Почему?

– Просто. Буквы такие.

– Что за буквы?

– Вроде медиаглифов, только они черные, маленькие, не шевелятся, старые, скучные, и еще их трудно читать. Но зато из них делают короткие слова вместо длинных.

Хакворт приходит на работу; визит в конструкторский отдел; занятия мистера Коттона

Когда Хакворт входил под арку кованых железных ворот, носы его зеркальных ботинок блестели от дождя. В каплях отражалось серебристо-серое небо; при каждом шаге они сбегали на пластины ногоступов, а оттуда – на серовато-бурую брусчатку. Хакворт с извинениями протиснулся сквозь толпу растерянных индусов. Все они тянули подбородки, чтобы не удавиться высокими белыми воротничками, их грубые башмаки скользили на мокром булыжнике. Много часов назад они проснулись в многоэтажных пеналах Маленького Индостана – острова к югу от Нового Чжусина. В «Машин-фаз системс лимитед» их ждали, потому что они приходили каждый день. Компания могла бы разместить бюро по найму ближе к дамбе или даже в самом Шанхае, но предпочитала, чтобы соискатели проделывали весь путь до главного городка. Расстояние отсеивало случайных людей, а вечная толпа у входа, жадная, как стайка скворцов у летнего кафе, напоминала счастливым, что на их место желающих хоть отбавляй.

Конструкторский отдел походил на университетский городок даже больше, чем входило в намерения строителей. Если кампус – это зеленый четырехугольник с громадными, увитыми плющом готическими зданиями, значит, проектный отдел – это кампус. Но если кампус – еще и своего рода фабрика, где большинство сидят за ровными рядами столов в огромных душных помещениях и весь день занимается примерно одним и тем же, то конструкторский отдел – кампус еще и по этой причине.

Путь Хакворта лежал через Меркл-холл – очень большой и очень готический, как почти все здания конструкторского отдела. Его высокие своды украшала роспись краской по штукатурке. Поскольку все здание, за исключением фресок, вышло целиком из Линии Подачи, много проще было бы показывать роспись на встроенном медиатроне, меняя ее время от времени. Однако неовикторианцы почти никогда не пользовались медиатронами. Материальное искусство требует от художника смелости. Оно творится однажды; если напортачишь, так и останется на века.

Центральную композицию фрески составляли кибернетические ангелочки; каждый нес сферический атом к некой радиально симметричной конструкции из нескольких сотен атомов – судя по форме, художника вдохновил то ли подшипник, то ли электродвигатель. Над всем этим нависала огромная (но не настолько, чтобы соблюсти масштаб) фигура Инженера с монокулярным феноменоскопом в глазу. В жизни никто ими не пользуется – они не дают объемного изображения, но на фреске так выходило лучше: можно было видеть второй глаз Инженера – голубовато-серый, расширенный, устремленный в бесконечность, словно стальное око Аресибо*. Одной рукой Инженер гладил нафабранные усы, другую запустил в наноманипулятор, а избыточный лучезарный трюмплей наглядно демонстрировал*, что все атомоносные ангелочки пляшут по мановению его руки. Инженер-Нептун и наяды.

По углам фрески теснились фигуры; в левом верхнем возлежали на мистическом бакиболе Фейнман, Дрекслер и Меркл, Чэн, Сингх и Финкель-Макгроу*; они или читали, или указывали на атомное строительство с видом, долженствующим изображать конструктивную критику. В правом верхнем королева Виктория II ухитрялась сохранять спокойное величие, несмотря на несколько крикливое великолепие своего трона – он был высечен из цельного алмаза. Понизу шли маленькие фигурки, в основном детские, между которыми затесались несколько многострадальных мамаш. Слева маялись души прежних поколений, не доживших до светлых нанотехнологических дней и давших дуба (это не изображалось впрямую, но каким-то образом мрачно подразумевалось) от ужасов прошлого, как то: рака, цинги, взрывов парового отопления, железнодорожных крушений, уличных перестрелок, погромов, блицкригов, завалов в шахтах, этнических чисток, взрывов АЭС, беготни с ножницами, употребления в

пищу бытовой химии и разъяренных быков. Удивительно, но они, ничуть не скорбя об этом, взирали на Инженера и его небесных рабочих; пухлые, поднятые вверх личики озарял идущий из подшипника свет, высвобождаемый (как полагал в инженерной простоте Хакворт) из энергии атомных связей, когда «шарики» встают в назначенные им потенциальные ямы.

Дети в центре были прорисованы силуэтами и стояли спиной к Хакворту; они воздевали руки к льющемуся свету. Дети снизу уравнивали ангельское воинство наверху – то были души неродившихся младенцев, которым предстоит вкусить от благ молекулярной инженерии. Фоном служил светящийся занавес, похожий на северное сияние – край шлейфа сидящей на троне Виктории II.

– Извините, мистер Коттон, – полушепотом сказал Хакворт.

Он проработал в таком зале несколько лет и знал правила поведения. Сотни инженеров ровными рядами сидели в огромной комнате. У всех на головах были феноменоскопы. Вошедшего Хакворта видели только надзирающий инженер Зунг, его помощники Чжу, Деградо и Бейерли да несколько водоносов и курьеров, застывших на постах по периметру зала. Пугать инженеров считалось дурным тоном, поэтому к ним подходили шумно и заговаривали тихо.

– Доброе утро, мистер Хакворт, – сказал Коттон.

– Доброе утро, Деметриус. Работайте, работайте.

– Через минуту закончу, сэр.

Коттон был левша. Его левую руку облекала черная перчатка, пронизанная сетью тончайших проводков, моторчиков, сенсоров и тактильных стимуляторов. Сенсоры следили за положением руки, степенью изгиба суставов и тому подобным. Остальное создавало впечатление, будто ты трогаешь реальные объекты.

Движения перчатки ограничивались небольшой полусферой с радиусом чуть больше фута; пока локоть оставался на эластичной опоре, рука двигалась свободно. Сеть тончайших проволочек соединяла перчатку с разбросанными по рабочему столу электропрямками. Прямки эти, словно бобины, выбирали слабины и порой дергали перчатку, порождая иллюзию сопротивления. Но это были никакие не бобины, скорее миниатюрные фабрички; они вырабатывали бесконечно тонкую нить, когда требовалось ослабить напряжение, а затем, по мере надобности, всасывали и переваривали ее. Каждая проволочка заключалась в гибкую гармошку миллиметра два в диаметре, чтобы случайный посетитель не сунул руку и не отрезал пальцы невидимой нитью.

Коттон собирал некую сложную структуру из, наверное, сотен тысяч атомов. Хакворт видел ее, поскольку на каждом рабочем месте стоял медиатрон, на который проецировалось то, что наблюдал пользователь. Таким образом, надзирающий инженер мог ходить между рядами и следить за работой каждого сотрудника.

Структуры, которые здесь создавались, были, на взгляд Хакворта, невыносимо громоздкими, хотя сам он несколько лет назад собирал точно такие же. В Меркл-холле разрабатывают товары широкого потребления, что, в общем-то, не требует особой тонкости. Инженеры трудятся в симбиозе с большим программным пакетом, который берет на себя рутинные операции. Это позволяет значительно ускорить процесс, что важно, когда имеешь дело с капризным потребительским рынком. Однако агрегаты, выстроенные таким путем, всегда оказываются тяжеловесными. Автоматизированная конструкторская система выкрутится из любого положения, добавив лишние атомы.

Каждый инженер в этом зале, корпящийся над нанотехнологическим тостером или феном, мечтал оказаться на месте Хакворта в Индпошиве, где изящество – самоцель, каждый атом на счету, а любая деталь создается под конкретное задание. Такая работа требует интуитивного, творческого подхода, что в Меркл-холле не приветствуется, да и встречается, надо сказать, нечасто. Однако время от времени, за гольфом, караоке или сигарами, Зунг или другой надзиратель нет-нет да упомянет кого-нибудь молодого и многообещающего.

Поскольку за нынешний проект Хакворта, «Иллюстрированный букварь для благородных девиц», платил Александр Чон-Сик Финкель-Макгроу, цена значения не имела. Герцог не потерпел бы халтуры, все предполагалось таким, как умеют лишь в Индпошиве, каждый атом на своем месте.

Однако источник питания для «Букваря» – батарейки, одинаковые, что для игрушки, что для дирижабля, – большого ума не требовали, и Хакворт перепоручил эту часть работы Коттону – посмотреть, на что тот годится.

Рука Коттона забилась, как муха в паутине. На одном из медиатронов Хакворт увидел, что Коттон ухватил среднюю (по стандартам Меркл-холла) деталь, – вероятно, часть более крупной нанотехнологической системы.

Стандартная цветовая схема, используемая в феноменоскопах, изображала атомы углерода зелеными, серы – желтыми, кислорода – красными, а водорода – синими. Деталь казалась бирюзовой, поскольку состояла в основном из углерода и водорода, а с того места, где стоял Хакворт, тысячи атомов сливались в одно. Это была решетка из длинных, ровных, толстеньких палочек, уложенных одна на другую под прямым углом. Хакворт узнал стерженьковую логическую систему – механический компьютер.

Коттон пытался приладить деталь к другой, побольше. Из этого Хакворт вывел, что автоматическая сборка (а молодой инженер наверняка вначале попробовал ее) не сработала и теперь Коттон пытается соединить детали вручную. Это не поможет исправить ошибку, но дистанционное восприятие через проволочки даст почувствовать, какие выступы соответствуют пазам, а какие нет. Это интуитивный подход, яростно отвергаемый лекторами Королевского Нанотехнологического Института, но популярный среди независимо мыслящих, дерзких коллег Хакворта.

– Хорошо, – сказал наконец Коттон. – Вижу, что не так.

Рука его расслабилась. На медиатроне деталь по инерции отошла от основной конструкции, замерла и поплыла обратно под действием межатомных ван-дер-ваальсовых сил. Правую руку Коттон держал на клавиатуре; он нажал кнопку – изображение на медиатроне замерло – и, к одобрению Хакворта, напечатал несколько слов документации. Одновременно он вытащил левую из перчатки и стянул с головы феноменоскоп – на волосах остались ровные примятые дорожки от ремешков.

– Это умный макияж? – спросил Хакворт, кивая на экран.

– Следующий шаг, – сказал Коттон. – Дистанционно управляемый.

– И как им управляют? Посредством УГРИ? – спросил Хакворт, имея в виду Универсальный голосораспознающий интерфейс.

– Можно сказать и так. – Коттон перешел на шепот. – Ходит слух, что разрабатывается макияж с нанорецепторами гальванических кожных реакций, пульса, потовыделения и так далее, который откликался бы на эмоциональное состояние носителя. Эта поверхностная, скажу, косметическая тема завела разработчиков в темные философские дебри.

– Что? Философия макияжа?

– Подумайте, мистер Хакворт, назначение макияжа – отзываться на эмоции или как раз напротив?

– Я уже заплутал в этих дебрях, – сознался Хакворт.

– Вы пришли за источником питания к «блюдечку»? – спросил Коттон. Под этим кодовым названием проходил «Иллюстрированный букварь». Коттон знал о «блюдечке» лишь то, что ему потребуется относительно долгодействующий источник энергии.

– Да.

– Изменения, о которых вы просили, внесены. Я провел все указанные вами тесты, еще пара-тройка пришла мне в голову по ходу – все задокументировано здесь.

Коттон взялся за тяжелую, под бронзу, ручку стола и выждал долю секунды, пока сработает система распознавания отпечатков. Замок открылся, Коттон выдвинул ящик. Внутри были нестареющие канцелярские принадлежности, в том числе несколько листков бумаги – чистых, отпечатанных, исписанных от руки. На одном не было ничего, кроме шапки «БЛЮДЕЧКО», выведенной безукоризненным чертежным почерком Коттона. Молодой инженер взял его в руки и произнес:

– Деметриус Джеймс Коттон передает все права мистеру Хакворту.

– Джон Персиваль Хакворт принял, – сказал Хакворт, забирая листок. – Спасибо, мистер Коттон.

– Пожалуйста, сэр.

– Титульный лист, – распорядился Хакворт.

На бумаге тут же проступил текст и движущиеся рисунки – цикл механической фазированной системы.

– Можно ли поинтересоваться, – спросил Коттон, – как скоро вы заканчиваете «блюдечко»?

– Скорее всего, сегодня, – ответил Хакворт.

– Пожалуйста, сообщите, если будут замечания, – сказал Коттон исключительно для формы.

– Спасибо, Деметриус, – сказал Хакворт. – Формат письма, – обратился он листку, и тот сложился втрое. Хакворт убрал его в нагрудный карман и вышел из Меркл-холла.

Особенности домашнего быта Гарва и Нелл; Гарв приносит диковинку

Всякий раз, как Нелл вырастала из старого платяца, Гарв бросал его в мусорный дек-ящик и делал в МС новое. Иногда Текила брала Нелл куда-нибудь, где будут другие мамы с девочками, и тогда вынимала из МС особенное платье, с кружевами и лентами, чтобы другие мамы видели, какая Нелл необыкновенная и как мама ее любит. Дети устраивались перед медиатроном и смотрели пассивку, а мамы садились рядом и временами разговаривали, временами тоже смотрели. Нелл слушала, особенно когда говорила мама, но понимала не все слова.

Она знала, потому что слышала много раз, что Текила, когда залетела с Нелл, пользовалась такой машинкой – мушкой, которая живет у тебя внутри, ловит яйцеклетки и съедает. Викторианцы их не признают, но всегда можно купить такую с рук у китайцев или индусов. Никто не знает, когда машинка выработает свой срок, вот так у Текилы и появилась Нелл. Одна женщина сказала, что есть другая машинка, она забирается прямо туда и съедает зародыш. Нелл не знала, кто такие яйцеклетки и зародыш, но женщины, похоже, знали и хором согласились, что до такого могли додуматься только китайцы или индусы. Текила ответила, что знала про машинку, но не хотела ей пользоваться – боялась, что это больно.

Иногда Текила приносила с работы куски настоящей ткани – она говорила, у богатых викторианцев, к которым она ходит, их много, они и не заметят, если один пропадет. Она никогда не давала Нелл ими играть, так что Нелл не знала, в чем разница между настоящей тканью и той, что выходит из МС.

Гарв однажды нашел такой лоскуток. У Арендованных Территорий, на которых они жили, был собственный пляж. Рано утром Гарв с друзьями отправлялся туда на поиски. За ночь волны прибывали к берегу то, что за день выбросили в Шанхае или спустили в унитаз вики из Новой Атлантиды. Собственно, ходили за тягучим, скользким нанобаром. Иногда он попадался в виде презервативов, иногда большими кусками, в которые заворачивают еду, чтобы не забрались мушки. Годился любой – умельцы очищают нанобар, соединяют куски в защитные костюмы и другие нужные вещи. Они платят даже за маленький обрывок.

Гарв незаметно спрятал лоскуток в ботинок и, никому ничего не говоря, доковылял до дома. В ту ночь Нелл спала на красном матрасике, и ее тревожили странные огни; наконец она проснулась и увидела в комнате голубое чудовище: Гарв под одеялом возился с фонариком. Она выползла осторожно, чтобы не разбудить Заврика, Утю, Питера и Мальвину, сунула голову к Гарву и увидела, как он, зажав во рту фонарик, что-то ковыряет зубочистками.

– Гарв, – спросила она, – ты разбираешь мушку?

– Нет, бестолочь. – Фонарик во рту мешал Гарву говорить внятно. – Мушки гораздо меньше. Смотри!

Она подползла ближе, отчасти из любопытства, а еще – потому что с братом спокойнее и теплее. Гарв сидел по-турецки, на скрещенных лодыжках у него лежал маленький – сантиметра два – бурый квадратик с разломаченными краями.

– Что это?

– Волшебство. Смотри! – Гарв подцепил что-то зубочистками.

– Там нитка! – воскликнула Нелл.

– Тсс! – Гарв прижал нитку ногтем большого пальца, потянул, мохнатый край затрепыхался быстро-быстро, и нитка отделилась от ткани. Гарв поднес ее к глазам, потом бросил в кучку таких же.

– И много их там? – спросила Нелл.

– Да нет. – Гарв поднял лицо, так что луч фонарика ударил ее прямо в глаза. Из огненного снопа прозвенел ликующий голос. – Ты не поняла. Нитки не в ней, она сама – нитки, сплетенные одна с другой. Если вытянуть все, ничего не останется.

– Ее сделали мушки? – спросила Нелл.

– Это ж такая хитрость – чтобы каждая нитка шла под и над всеми, а те под и над остальными... – Гарв на мгновение замер, сраженный нечеловеческой дерзостью того, что держал в руках, множественностью координатных систем. – Точно мушки, Нелл, никто другой так не сумеет.

Меры безопасности в Атлантиде Шанхайской

Атлантида Шанхайская занимала примерно девяносто процентов территории Нового Чжусина – самую высокую ее часть, внутреннее плато, на высоте примерно мили над уровнем моря, где воздух прохладнее и чище. Местами ее периметр обозначала красивая ограда из кованого железа, но настоящую границу защищала «собачья сетка» – скопление квазинезависимых аэростатов.

Аэростатом называлось все, что висит в воздухе. Теперь это не составляло труда. Нанотехнологические материалы стали гораздо прочнее, источники питания – мощнее, компьютеры – меньше малого. Труднее было создавать предметы не легче воздуха. Простейшие вещи вроде упаковочных материалов – из которых в основном и состоит мусор – приобрели свойство разлетаться повсюду, ведь они ничего не весили; пилоты дирижаблей, совершающие рейсы в десяти километрах от земли, привыкли, что пустые продуктовые пакеты проносятся за ветровыми стеклами (и засасываются в двигатели). С низкой орбиты верхние слои атмосферы казались покрытыми перхотью. Протокол требует искусственно утяжелять невесомые материалы, чтобы они падали и к тому же разрушались под действием ультрафиолета. Но многие нарушают Протокол.

Итак, вопрос веса был решен. Оставалось сделать следующий шаг – добавить воздушную турбину. Вполне хватало маленького пропеллера или пропеллеров, укрепленных в сквозном отверстии – они всасывают воздух с одной стороны и выбрасывают с другой, создавая тягу. Аэростат с несколькими двигателями на разных осях способен удерживаться на одном месте и даже перемещаться в пространстве.

Каждый аэростат в собачьей сетке представлял собой зеркальную обтекаемую каплю, в широкой части которой как раз поместился бы шарик для пинг-понга. Эти груши висели по узлам гексагональной сетки, начинавшейся в десяти сантиметрах от земли (так что под ней могла проскочить кошка, но не собака, отсюда «собачья сетка»), более частой снизу, более редкой на высоте. Таким образом священный воздух Новой Атлантиды окружался сферическим колпаком. Когда ветер крепчал, каждая груша разворачивалась, как флюгер; иногда их немного сдувало, но все со временем возвращались на место, плывя против течения, словно стайка мальков. Турбины тихо жужжали, напоминая о работающей электробритве, тем громче, чем больше было груш, – все это усугубляло и без того тягостное впечатление.

От борьбы с ветром садились батарейки. Тогда груша подплывала к соседке и тыкалась в нее носом. Обе зависали, как спаривающиеся стрекозы, более сильная передавала энергию более слабой. Система включала аэростаты покрупнее, называемые дронами-кормильцы, которые курсировали вдоль сетки, накачивая энергией произвольно выбранные груши, а эти распределяли ее между товарками. Если груша замечала в себе неполадку, она подавала сигнал, из Королевской охранной установки вылетала сменщица; отслуживший свой век аэростатик, сдав вахту, мчался домой, где его разбирали на атомы.

Как обнаруживают большинство восьмилетних мальчишек, взобраться по собачьей сетке нельзя, потому что груши не выдерживают твоего веса – нога просто прижмет аэростатик к земле. Он попытается вырваться, но, если он застрянет в грязи или его турбины засорятся, другой спустится и займет свободное место. Можно взять любую грушу и унести. Когда маленький Хакворт попробовал осуществить этот подвиг, то узнал: чем дальше ты уходишь, тем горячее становится груша. При этом она вежливым, но четким армейским голосом советует Сегодня разжать руку во избежание нежелательных последствий. Сейчас можно запросто украсть грушу-другую – ее место займут соседки. Как только аэростатик поймет, что остался в одиночестве, он саморазрушится – будто и не было.

Этот дружественный пользователю подход вовсе не означает, что можно безнаказанно проходить через сетку. Пройти-то ты пройдешь – для этого достаточно развести в стороны несколько груш, – если Королевская охранная служба не прикажет аэростатикам взорвать тебя или ударить током. В таком случае она предупреждает заранее. Даже если ничего страшного не случится, у аэростатов есть глаза и уши – всякий, пролезший сквозь сетку, мгновенно становится знаменитостью, окруженной сотнями поклонников в форме сил объединенного королевского командования.

Иное дело – микроскопические нарушители. Вот от кого исходит настоящая угроза. Достаточно упомянуть «Красную смерть» (в просторечии – «Семиминутка») – крохотную аэродинамическую капсулу, которая при ударе взрывается и выбрасывает в кровь жертвы тысячу с лишним малюсеньких телец, в просторечии называемых «дыроколами». Известно, что полный цикл кровообращения у среднего человека составляет семь минут; за это время дыроколы успевают проникнуть во все жизненно важные органы.

Дырокол имеет форму таблетки аспирина, только стороны у него более выпуклые для защиты от внешнего давления; как у многих других нанотехнологических устройств, внутри у дырокола вакуум. В нем вращаются две центрифуги, на одной оси, но в разные стороны, чтобы не получался гироскоп. Таблетку можно настроить разными способами, простейший – семиминутные бомбы замедленного действия.

Взрыв разрушает связи между центрифугами, и тысяча с лишним снарядиков разлетаются в стороны. Внешняя оболочка лопается, каждый снарядик порождает взрывную волну, которая на первых порах причиняет на удивление мало вреда – прокладывает узенькую прямую дорожку и, может быть, отбивает кусочек кости. Дальше происходит главное. В зависимости от начальной скорости центрифуги оно случается на разном расстоянии от точки взрыва; внутри этого радиуса все остается практически целым, а по периферии разрушается – отсюда «дырокол». Жертва издает громкий звук – словно бич хлопает – это куски тела вылетают и переходят звуковой барьер в воздухе. Изумленные свидетели оборачиваются и видят, что жертва стремительно розовеет. По всему телу проступают красные полумесяцы – они маркируют геометрические пересечения поверхности детонации с кожей, к большому удобству следователей, которые могут определить тип дырокола, сравнив отметины с карманной табличкой. Жертва к этому времени являет собой большой дырявый мешок кровавого месива и, разумеется, реанимации не подлежит.

Такие изобретения породили тревогу, что люди из филы А внедрят несколько миллионов смертельных устройств в членов филы Б и осуществят таким образом древнюю как мир мечту мгновенно превратить в котлету целый народ. Попытки были, в нескольких городах масово провожали в последний путь закрытые гробы, но явление так и не получило настоящего распространения. Дело в том, что подобные устройства трудно контролировать. Если некто съест или выпьет такую таблетку, она может подействовать у него внутри, а может проскочить наружу и, совершив круговорот, достаться твоему родственнику. Главное же затруднение представляла собой иммунная система тела-носителя, которая поднимала такой гистологический хипеж, что потенциальная жертва могла заранее почувствовать угрозу.

То, что работает в организме, сработает и в воздухе, вот почему филы обзавелись собственной иммунной системой. На наноуровне не создашь железного занавеса, надо ж как-то проходить самому. Хорошо защищенный анклав окружается воздушной буферной зоной, насыщенной иммунокулами – микроскопическими аэростатами, которые выслеживают и уничтожают диверсантов. У Атлантиды Шанхайской эта зона в самом узком месте составляет не менее двадцати километров. Ее внутреннее кольцо приходится на зеленый пояс по обе стороны собачьей сетки, внешнее зовется Арендowanными Территориями.

Над Арендowanными Территориями вечно висит туман – иммунокулы конденсируют на себя водяные пары. Если взглядеться во влажную дымку и сфокусироваться на точке в несколь-

ких дюймах от носа, можно увидеть, как воздух искрится множеством микроскопических прожекторов – это иммунокулы шарят в воздухе лучами лидаров. Лидар, или лазерный эхолотатор, по сути тот же радар, только использует более короткие, видимые волны. Мерцание означает, что микроскопические дредноуты бьются друг с другом в густом тумане, словно немецкие подлодки с эскадренными миноносцами в черных просторах Атлантического океана.

Нелл видит нечто странное; Гарв все объясняет

Однажды Нелл проснулась и увидела, что мир за окном стал серым, словно карандашный грифель. Машины, велосипеды, четвероногие, даже моторолики оставляли за собой смерчки черной пыли.

Гарва не было всю ночь, он вернулся только сейчас. Нелл вскрикнула, увидев черную маску с двумя страшными выростами. Гарв стащил респиратор – кожа внизу оказалась розово-серой, – блеснул белыми зубами и начал кашлять. Занимался он этим долго и методически, отхаркивал сгустки мокроты из самых глубоких альвеол и выплевывал в толчок. Иногда он переставал, чтобы отдышаться, и тогда воздух вырывался из его горла с легким присвистом.

Откашлявшись, он, ничего не объясняя, занялся маской: свинтил наросты, вытащил черные комки, бросил на пол – от них взметнулись облачка черного дыма – и заменил белыми из нанобарового мешочка. Правда, белыми они оставались недолго – Гарв сразу заляпал их черными отпечатками, настолько четкими, что можно было различить все канальца и бугорки. Потом на мгновение поднес упаковку к свету.

– То же самое, – сказал он и бросил в сторону мусорной корзины.

Затем он надел маску на Нелл, подогнал и затянул ремешки. Пряжки цеплялись за длинные волосы, больно дергали, но возмущенный вопль утонул в респираторе. Дышать стало труднее. На вдохе маска прилипала к лицу, на выдохе – шипела.

– Не снимай, – приказал Гарв. – Она защищает от тонера.

– Что такое тонер? – спросила Нелл из-под маски.

Слышать Гарв не мог, но угадал вопрос в ее глазах.

– Мушки, – сказал он. – По крайней мере, так говорят в Блошином цирке.

Он сжал в кулаке черную вату, которую вынул из маски. Из нее пошел серый дым, расплылся, как чернила в стакане с водой, да так и остался висеть в воздухе. Волшебный порошок искрился.

– Понимаешь, мушки, они везде, – объяснил Гарв. – В воздухе, в еде, в питье. Огоньками они разговаривают между собой. Для мушек есть правила – называются протоколы. В одном старом-престаром протоколе записано, чтобы они не вредили легким. Если ты их вдыхаешь, они рассыпаются на безопасные кусочки. – Гарв выдержал театральную паузу, чтобы выдать в воздух еще одно черное облачко – как догадывалась Нелл, из хороших мушек. – Но есть люди, которые не слушают протоколов. Нарушают правила. И потом, мы так много вдыхаем мушек – целые миллионы, что, может, безопасные кусочки не такие безопасные, когда мушек уж супермного. В Блошином цирке говорят, что мушки иногда воюют между собой. Например, кто-то в Шанхае придумает мушку, которая против протокола, наплодит в матсборщике целую уйму и пошлет в Новую Атлантиду подсматривать за виками или даже вредить им. Тогда вики – у них есть такая специальная охрана – отправляют своих мушек ловить ту вредную. Начинается война. Вот что творится сегодня, Нелл. Мушки воюют с мушками. Порошок (мы называем его тонер) на самом деле – мертвые мушки.

– А скоро война закончится? – спросила Нелл, но Гарв ее не услышал – он снова зашелся в кашле.

Потом он встал, обернул лицо белой нанобаровой полоской, которая около рта сразу стала серой, вытащил старые патроны из мушкетона и зарядил новые. Мушкетон походил на пистолет, только пистолет стреляет, а этот, наоборот, засасывает в себя. В него вставляются плоские круглые прокладки из сложенной гармошкой бумаги. Включаешь – он со свистом втягивает воздух и, надо надеяться, мушек. Они попадают на бумагу и застревают.

– Ну, мне пора, – сказал Гарв, на пробу щелкая курком. – Кто знает, что еще попадет.

Он двинулся к дверям, оставляя за собой черные следы. Ветер от шагов тут же подхватывал их и рассыпал по полу, словно Гарв никогда тут не проходил.

Хакворт собирает «Иллюстрированный букварь для благородных девиц»; разъяснение используемой технологии

Индпошив занимал викторианский особняк на холме, длинное, в целый квартал, здание с многочисленными крыльями, башенками, портиками и тенистыми верандами. Хакворт еще не заслужил собственной башенки или балкона, зато у него было окно с видом на сад, где росли гардении и самшит. Из-за стола он сада не видел, но обонял, особенно если ветер дул с моря.

«Блюдечко» лежало у него на столе в виде стопки листов, подписанных в основном «ДЖОН ПЕРСИВАЛЬ ХАКВОРТ». Он развернул взятую у Коттона бумагу. На ней по-прежнему жил маленький чертеж. Коттон явно порезвился от души. Еще никого не выгнали за фотографический реализм, однако сам Хакворт позаимствовал свою личную манеру из патентных заявок девятнадцатого века: черный графический рисунок на белом фоне, полутени переданы почти микроскопической штриховкой, старинный шрифт с чуть-чуть срезанными наискось углами. Клиенты, желавшие смотреть чертежи на домашних медиатронах, просто бесились. Коттон сработал в том же ключе – его нанотехнологическая батарейка на титуле выглядела точь-в-точь как зубчатая передача эдвардианского дредноута.

Хакворт положил лист на стопку с «блюдечком» и постучал ее ребром по столу, чтобы сбить поровнее. Потом отнес в угол комнаты, куда рабочие совсем недавно вкатили новый кабинет вишневого дерева на литых бронзовых ножках. Он доходил Хакворту до пояса. Сверху располагался бронзовый же механизм: автоматический ридер с выдвижным лотком. Маленькая дверца на стене скрывала разъем подачи – сантиметровой, как для бытовой техники; в серьезной производственной организации он выглядел как-то несолидно, особенно если вспомнить, что кабинет заключал в себе один из самых мощных компьютеров на планете – пять кубических сантиметров индпошивовской стерженьковой логики. Он потреблял примерно сто тысяч киловатт из сверхпроводящей части подачи. Мощность нужно было куда-то девать, иначе компьютер сжег бы себя и добрую половину здания в придачу. Сброс энергии потребовал от создателей много больше усилий, чем сами логические элементы. В протоколе последней Подачи имелось встроенное решение – компьютер забирал из нее микроскопические кубики льда и сливал теплую воду.

Хакворт положил стопку в лоток и велел машине скомпилировать «блюдечко». Послышался звук тасуемой колоды – ридер брал листочки за край и мгновенно скачивал информацию. Длинный шланг подачи, пропущенный вдоль стены, вздрогнул и напрягся в оргазме – компьютер всосал кусок сверхзвукового льда и выплюнул воду. В выходном лотке появился новый лист.

Шапка гласила: «БЛЮДЕЧКО, ВЕРСИЯ 1,0. СПЕЦИФИКАЦИЯ НА СБОРКУ».

Кроме нее на листке было только изображение конечного продукта, изящно выполненное под старинную гравюру в личной манере Хакворта. Всякий сказал бы, что это книга.

Спускаясь по огромной винтовой лестнице к самому большому – центральному атриуму Индпошива, Хакворт думал о намеченном преступлении. Отступить было поздно. Внезапно он понял, что подсознательно решился месяцы назад.

Хотя Индпошив – организация скорее конструкторская, чем производственная, здесь есть собственные матсборщики, в том числе два довольно больших, на сотню кубов каждый. Хакворт зарезервировал более скромную настольную модель в одну десятую кубометра. Использование сборщиков фиксировалось в особом журнале, поэтому он прежде сказал свое имя и название проекта. После этого машина приняла край документа. Хакворт велел приступить немедленно, а сам стал смотреть сквозь алмазную стену на эвтактическую среду.

Вселенная – бессмысленный хаос, интересны лишь организованные аномалии. Хакворт как-то повез своих кататься на лодке; желтые весла оставляли на воде аккуратные водовороты, и Фиона, которая изучала физику жидкостей в ванне и за обеденным столом, разливая что ни попадя, потребовала объяснить, откуда на воде ямки. Она перегнулась через борт (Гвендолен держала ее за платице) и трогала воронки рукой, пытаясь разобраться, какие они. Остальное озеро – просто вода без каких-то особых закономерностей – ее не взволновало.

Мы скользим взглядом по черному космическому пространству и останавливаемся на звездах, особенно если они выстраиваются в созвездия. «Обычный, как воздух» означает нечто банальное, но каждый Фионин вдох, когда она спит в кровати – серебристое сияние в лунном свете, – пойдет на строительство ее кожи, волос, костей. Воздух становится Фионией и заслуживает – требует любви. Упорядочивать материю – единственная функция Жизни, будь то самовоспроизводящиеся молекулы в первичном бульоне, манчестерская мануфактура, перерабатывающая растения в ситец, или Фиона в кровати, обращающая воздух в Фиону.

Лист бумаги имеет толщину примерно сто тысяч нанометров; в этот промежуток можно вместить около трехсот тысяч атомов. Умная бумага состоит из сети бесконечно малых компьютеров, зажатых между двумя медиатронами. Медиатроном называется все, что меняет цвет на отдельных участках своей поверхности. На внешние слои сэндвича приходится примерно две трети сечения; между ними можно поместить структуру толщиной в сто тысяч атомов.

На такую глубину легко проникают воздух и свет, поэтому начинка заключается в вакуоли – бакминстерфуллереновые оболочки, покрытые отражающим алюминиевым слоем, чтобы они не схлопнулись все разом, если страница окажется на солнце. Таким образом, внутри пузыря получалось что-то вроде эвтактической среды. В ней-то и располагалась стерженьковая логика, делающая бумагу умной. Каждый из сферических компьютеров соединялся с четырьмя соседями пучком гибких стержней, идущих по гибкой же вакуумной фуллереновой трубке, так что страница в целом представляла собой параллельный компьютер, составленных из миллиарда отдельных процессоров. По одиночке процессоры были не очень сильные, не особо быстродействующие и очень чувствительные к внешней среде, так что обычно работала лишь малая их часть, но даже при этих ограничениях умная бумага оставалась, помимо всего прочего, мощным графическим компьютером.

И все же, размышлял Хакворт, ей далеко до «Букваря» – там страницы толще, плотнее набиты вычислительной техникой, листы сложены вчетверо, в тетрадки по шестнадцать страниц, тридцать две тетрадки вшиты в корешок, который не только скрепляет книжку, но и служит огромной базой данных.

Он сработан на славу, однако ему только предстоит родиться в эвтактическом чреве – алмазной вакуумной камере, вмещающей стартовый матборщик. На алмаз нанесена пленка, пропускающая исключительно красный свет; стандартная инженерная практика – избегать связей, которые разрушаются медлительными красными фотонами, вечно плетущимися в хвосте видимого спектра. Таким образом можно на всякий пожарный случай наблюдать, как зреет твой образец. Предосторожность нелишняя – если ты что-то напорол и он вырастет настолько, что возникнет угроза для стенок камеры, процесс можно остановить самым тупым дедовским методом – отключив питание.

Хакворт не боялся за свою работу, но все равно смотрел, как она растет, потому что это всегда интересно. Вначале была пустая камера, налитая красным светом алмазная полусфера. Посередине столика виднелся голый срез восьмисантиметровой подачи – центральной вакуумной трубы, окруженной трубками поменьше. Каждая представляла собой пучок микроскопических конвейерных лент, доставляющих нанотехнологические кирпичики – отдельные атомы или молекулярные заготовки.

Матборщиком называлась машина, которая располагается на выходе подачи, берет молекулы с конвейера согласно заданной программе и собирает в более сложный продукт.

Хакворт был программистом, «блюдечко» – программой из множества подпрограмм. Они существовали на отдельных листках, пока, несколько минут назад, сверхмощный компьютер в кабинете Хакворта не скомпилировал их в один загрузочный модуль на понятном матборщику языке.

Над выходом затеплилась прозрачная красная дымка, похожая на перезрелую земляничину. Дымка сгустилась, начала обретать форму и расползаться по столику, пока не сформировалось будущее основание: четверть круга радиусом двенадцать сантиметров. Хакворт выждал, когда над ним появился верхний обрез книги.

В углу лаборатории стоял новейший копир, способный преобразовать записанную информацию в нечто совсем иное. Умел он даже стереть информацию и подтвердить впоследствии данный факт, что иногда оказывалось полезным в относительно параноидальной атмосфере Индпошва. Хакворт вложил в него документ, содержащий скомпилированную версию «блюдечка», и уничтожил. Доказуемо.

Покончив с этим, он откинул красный колпак. Готовая книга стояла на системе, которая выдавила ее из себя и на воздухе немедленно обмякла. Хакворт взял книгу в правую руку, а левой бросил экструдер в корзину.

Он запер книгу в ящик стола, прихватил цилиндр, шляпу, перчатки, трость, шагнул в ногоступы и отправился через дамбу. В Шанхай.

Общая обстановка в доме Гарва и Нелл; Арендванные Территории; Текила

Китай лежал на другом берегу, его можно было увидеть с пляжа. Город из небоскребов назывался Пудун, дальше раскинулся Шанхай. Гарв иногда ходил туда с друзьями. Он говорил, что Шанхай большой, больше, чем можно вообразить, старый, грязный и полон всяких удивительных вещей.

Они жили на АТ, что, согласно Гарву, было сокращением от Арендванных Территорий. Нелл уже знала их медиатрон. Гарв показал ей и значок Заколдованной дали – территории, на которой стоит их дом. Значок изображал принцессу с палочкой в руках; из палочки на серые дома сыпались золотые блестки, и дома становились желтыми. Нелл считала, что блестки – это мушки, но Гарв объяснил, что палочка – волшебная, а блестки – магический порошок. Гарв велел ей запомнить глиф, чтобы, если потеряется, отыскать дорогу домой.

– А лучше просто сообщи мне, – сказал Гарв, – и я тебя отыщу.

– Почему?

– Потому что есть плохие люди и тебе нельзя ходить по АТ одной.

– А какие они?

Гарв несколько раз вздохнул, заерзал на стуле.

– Помнишь рактюшник, ну, я вчера смотрел? Там были пираты. Связали детей и хотели отправить по доске. Вспомнила?

– Ага.

– На АТ тоже есть пираты.

– Где?

– Не гляди, не увидишь. Они не похожи на пиратов, у них нет таких шапок и сабель. С виду – люди как люди. Но внутри они пираты, хватают детей и связывают.

– И заставляют идти по доске?

– Вроде того.

– Надо позвать полицию!

– Полиция тут не поможет. А вообще, не знаю.

Полицейские были китайцы. Они приходили по дамбе из Шанхая. Нелл один раз видела их близко, когда забирали маминого дружка Рог. Дома были только Нелл с Гарвом, и Гарв пустил полицейских в гостиную, усадил и напоил чаем. Он говорил с ними на шанхайском диалекте, они смеялись и ерошили ему волосы. Он сказал Нелл сидеть в спальне и не высовывать носа, но она все равно вылезла и подсматривала. Полисменов было трое, двое в форме и один в штатском, они курили и смотрели медиатрон, пока не пришел Рог. Они ругались на него, а потом увели, крича всю дорогу. Рог больше не возвращался, и Текила стала жить с Марком.

Марк был не такой, как Рог, он работал – мыл окна в Новой Атлантиде. Он приходил во второй половине дня, грязный, усталый, и долго стоял под душем. Часто он звал Нелл потереть ему спинку, потому что сам не дотягивался. Иногда он проверял, какие у Нелл волосы – если грязные, она раздевалась, вставала под душ, а Марк ее мылил.

Однажды она спросила Гарва, моет ли его Марк. Гарв расстроился и долго про все выпрашивал. Потом Гарв рассказал Текиле, Текила накричала на него и отправила спать. Когда он вернулся к Нелл, одна щека у него была распухшая и горела. Вечером Текила сказала Марку. Они ругались в гостиной, из-за стены доносились звуки ударов, дети лежали под одним одеялом и все слышали.

Гарв и Нелл притворялись, что спят, но Нелл слышала, как Гарв встал и тихо вышел из дома. В ту ночь он так и не вернулся. Утром Марк проснулся и ушел на работу. Текила встала, густо напудрила все лицо и тоже ушла.

Нелл весь день сидела одна и думала, позовет ли Марк сегодня в душ. Вчера по голосу Гарва она догадалась, что душ – это плохо, и даже обрадовалась: значит, ей правильно было стыдно. Она не знала, как ей не пойти с Марком в душ. Она рассказала обо всем Заврику, Уте, Питеру и Мальвине.

Только эти четверо пережили великую бойню, которую учинил в прошлом году Мак – один из маминых дружков. Он так разозлился, что собрал всех зверюшек в комнате Нелл и затолкал в мусоропровод.

Когда через несколько часов Гарв открыл дверцу, то оказалось, что игрушки исчезли, за исключением четырех. Он объяснил, что ящик глотает то, что вынули из МС, а все, что сделано вручную (он не мог толком объяснить это слово), выплевывает. Заврик, Утя, Питер и Мальвина были старые тряпичные игрушки, сделанные вручную.

Когда Нелл рассказала свою историю, храбрый динозаврик сказал, что Марку надо дать в глаз. Утя болтала всякие глупости, но Утя еще совсем маленькая и несмышленная. Питер посоветовал сбежать. Мальвина придумала посыпать Марка волшебным порошком с мушками, которыми, если верить Гарву, вики защищаются от нехороших людей.

Текила оставила в кухне еду, которую принесла вчера, и с ней палочки. На ручках у них были медиатроны – ты ешь, а по ним бегают медиаглифы, вверх-вниз, вверх-вниз. Нелл решила, что в них живут мушки, которые делают медиаглифы, и взяла одну вместо волшебной палочки.

Еще у нее был серебряный воздушный шарик, который Гарв сделал в МС. Шарик сдулся, и Нелл решила, что из него получится прекрасный щит, как у рыцаря, которого она видела у Гарва в рактюшнике. Она оттащила матрасик в угол комнаты, посадила Заврика и Мальвину перед собой, Утю и Питера – сзади, и стала ждать, крепко стиснув палочку и щит.

Но Марк не вернулся. Текила пришла с работы и стала спрашивать, где Марк, но, похоже, не очень огорчилась, что его нет. Гарв пришел поздно, когда Нелл уже легла, и спрятал что-то под матрас. На следующий день Нелл посмотрела: это были две тяжелые палки, примерно по футу каждая, соединенные короткой цепью, – их вымазали чем-то бурым, липким, оно высыхало и крошилось.

В следующий раз, когда Гарв увиделся с Нелл, он сказал, что Марк больше не придет и что это был один из пиратов, про которых он говорил, а если еще кто-нибудь попробует с ней сделать такое, надо бежать, кричать во все горло и сразу рассказать Гарву и его друзьям.

Нелл страшно удивилась: до этого времени она и не знала, какие пираты хитрые.

Хакворт идет по дамбе в Шанхай; размышления

Дамба, соединяющая Новый Чжусин с Пудунской экономической зоной, собственно, и вызвала к жизни Атлантиду Шанхайскую. На самом деле это была исполинская Линия Подачи, зажатая двумя берегами. В понятиях массо- и товарообмена Новый Чжусин – дышащее океаном умкоралловое легкое – служило ни много ни мало истоком всей потребительской экономики Китая и выполняло единственную цель – гнать мегатонны нанопродукции в Срединное государство, в его непрерывно растущую сеть подачи, которая с каждым месяцем охватывала все новые миллионы крестьянских домов.

На большей своей части дамба проходила чуть выше максимальной приливной отметки, но на центральном километре изгибалась дугой для прохода кораблей; не то чтобы эти корабли были кому-то нужны, но несколько старых морских волков и предприимчивых туроператоров сновали по устью Янцзы на джонках, которые, кстати, великолепно смотрелись с арки, лаская глаз поклонникам «Нейшнл Джеографик» их разлюбезным единением дня нынешнего с прошедшим. С самой высокой точки Хакворт видел еще дамбы, справа и слева, соединяющие окраины Шанхая с другими искусственными островами. Ниппон Нано напоминал Фудзияму: внизу, у самой кромки воды – офисные здания, затем жилые дома (чем выше по склону, тем дороже), дальше пояс площадок для гольфа; верхнюю треть оставили под сады, бамбуковые рощи и прочие формы рукотворной природы. На другой стороне лежал кусочек Индостана. На его геотектуру повлиял не столько могольский*, сколько советский период. Никто не потрудился окружить промышленный центр фрактальными ухищрениями. Остров, засевиший километрах в десяти от Нового Чжусина, мозолил глаза обитателям дорогих вилл и давал неиссякаемую пищу для ксенофобских анекдотов. Хакворт никогда не пересказывал таких анекдотов; уж он-то и знал, что у индусов есть все шансы обогнать и ниппонцев, и викторианцев в борьбе за китайский рынок. Мозги у них ничуть не хуже, их самих больше, и они лучше понимают крестьянскую душу.

Отсюда, с вершины моста, Хакворт видел прибрежную часть Пудуна и небоскребы выше по склону. Как всегда, его поразила несуразность старых городов, где драгоценные гектары век за веком жертвовались под всевозможные «привези-доставь». Магистралы, мосты, железнодорожные ветки, дымные, блестящие огнями сортировочные, линии электропередачи, трубопроводы, путепроводы, портовые сооружения для судов самых разных размеров, от сампанов и джонок до контейнеровозов, аэропорты. Хакворт был неравнодушен к обаянию Сан-Франциско, но Атлантида Шанхайская породила в нем ощущение, что старые города доживают свой век; в лучшем случае их удел – превратиться в музеи и тематические парки. Будущее за новыми городами, выращенными на скальном грунте атом за атомом, пронизанными живой капиллярной сетью подающих линий. Старые районы Шанхая, лишённые подачи или с линиями, проложенными в бамбуковых желобах, застыли в пугающей бездвижности, словно дряхлый курильщик опиума посреди оживленной городской улицы. Он сидит на корточках, цедит сквозь зубы дым и грезит о чем-то таком, о чем бегущие мимо современники давно запретили себе думать.

В такой-то район Хакворт и поспешал сейчас самым быстрым шагом.

Если создавать контрафакт прямо из подачи, это рано или поздно всплывет, потому что все матсборщики передают сведения обратно вдоль линии. Нужен собственный источник, не связанный с сетью, а это сложно. Тем не менее упорный злоумышленник, вооружившись изобретательностью и терпением, может собрать установку, способную обеспечить набор простых строительных кубиков массой от десяти до ста дальтонов. Таких людей в Шанхае немало, и некоторые – изобретательнее и терпеливее других.

Хакворт в фактории доктора Икс

Лезвие скальпеля имело толщину ровно один атом; оно сняло клочок кожи с Хаквортовой ладони, словно крыло самолета через облако прошло. Хакворт протянул маленький – с ноготь – ошметок доктору Икс, который подхватил его резными палочками из слоновой кости, поболтал в изящной, украшенной перегородчатой эмалью чашке с химическим осушителем и разложил на маленькой алмазной пластинке.

Настоящая фамилия доктора Икс представляла собой последовательность пришепетываний, утробного металлического лязга, квазинемецких гласных и полупроглоченных «р». Все без исключения европейцы безбожно ее перевирали. Возможно, из соображений политических он в отличие от большинства азиатов не взял себе европейского имени и (в довольно покровительственном тоне) предлагал называть его просто доктором Икс – с этой буквы начиналось его имя, записанное латиницей.

Доктор Икс убрал алмазную пластинку в стальной цилиндр. По одной стороне его шел обод с тефлоновым покрытием и рядом отверстий под болты. Доктор Икс передал цилиндр помощнику, который принял его двумя руками, словно золотое яйцо на шелковой подушечке, и соединил с ободом на сети массивной стальной арматуры, занимающей два стола. Помощник помощника вставил и завинтил блестящие болты. Затем помощник включил рубильник, и заработал древний вакуумный насос. И следующие минуту-две разговаривать было невозможно, и Хакворт разглядывал лабораторию доктора Икс, пытаясь угадать с точностью до века, а то и династии, возраст того или иного предмета обстановки. На высокой полке стояли банки, заполненные, как показалось Хакворту, мочой. В ней плавали какие-то потроха, и он предположил, что это желчные пузыри начисто истребленных животных, которые постоянно – в том числе в данную минуту – растут в цене. Вложение куда более выгодное, чем любой паевой инвестиционный фонд. Запертый ружейный шкаф и позеленевшая от времени настольная издательская система «Макинтош» свидетельствовали о других упражнениях владельца в непоощряемых видах деятельности. В одной стене было прорублено окно, сквозь которое виднелась вентиляционная шахта не шире могилы, – в ней рос скрюченный тополь. В остальной комнате была так забита маленькими, бурными, сморщенными, органического вида предметами, что глаз Хакворта мгновенно потерял способность отличать один от другого. По стенам висели каллиграфические надписи, вероятно, стихотворные. В свое время Хакворт взял на себя несколько иероглифов и ознакомиться с азами китайской интеллектуальной системы, но в целом предпочитал, чтобы его трансцендентное было на виду, под присмотром, – скажем, на красивом витраже, а не вплеталось в жизненную ткань тонкой золотой нитью.

Механический насос закончил работу, все в комнате поняли это по звуку. Предельное давление паров масла было достигнуто. Помощник перекрыл вентиль, отключил насос и включил бесшумные нанонасосы. Это были турбины, как в реактивном двигателе, но очень маленькие, зато много. Оглядывая критическим взглядом атомную арматуру доктора Икс, Хакворт различил и уборщик – цилиндр размером с детскую голову, со сморщенной внутренней поверхностью, которую покрывали наноустройства, улавливающие шальные молекулы. Нанонасосы и уборщик быстро довели вакуум до состояния, свойственного космосу между Млечным Путем и галактикой Андромеды. Тогда доктор Икс тяжело поднялся с кресла и заходил по комнате, включая свою кунсткамеру.

Эти порождения различных технологических эпох, сложными контрабандными путями доставленные во Внешнее государство, служили тем не менее одной цели: исследовали микромир посредством рентгеновской дифракции, электронной микроскопии и прямого наномасштабного зондирования, а затем соединяли полученную информацию в единую трехмерную картину.

Если бы Хакворт делал это сам, он бы давно закончил, но система доктора Икс, подобно польскому сейму, требовала согласия всех участников. Каждую подсистему следовало опрашивать отдельно. Доктор Икс и его помощники собирались возле той, которая, по их мнению, стопорила процесс, и долго бранились на смеси шанхайского и пекинского диалектов с вкраплением английских терминов. Далеко не исчерпывающий список лечебных средств был: выключить и снова включить прибор; приподнять его на несколько дюймов и уронить; выдернуть из сети все ненужное в этой и соседних комнатах; снять крышку, несколько раз согнуть и разогнуть плату; непроводящими палочками для еды вытащить оттуда насекомых или сухие хитиновые скорлупки; подергать провод; зажечь ароматические свечи; подсунуть сложенные бумажки под ножки стола; сдвинуть брови и попить чаю; отправить в соседнюю комнату, здание или район гонца с каллиграфической запиской и ждать, пока принесут пыльную, пожелтевшую картонную коробку с нужной деталью. Не менее разнообразны были способы устранения неполадок в царстве программного обеспечения. Похоже, часть спектакля была и впрямь вынужденной; остальное разыгрывалось для Хакворта, чтобы при окончательном расчете заломить новую цену.

Наконец один из помощников, церемонно поклонившись, развернул на черном лаковом столике метровый лист медиатронной бумаги с фрагментом Джона Персиваля Хакворта. Они искали нечто по нанотехнологическим меркам довольно крупное, и потому увеличение было небольшое, но все равно кожа Хакворта порядочно смахивала на заваленный мятыми газетами стол. Если доктора Икс и замутило от этого зрелища, как самого Хакворта, он не показал виду. Можно было счесть, что он сидит, положив руки на колени расшитого шелкового халата, но Хакворт, подавшись вперед, увидел, что длинные, в дюйм, желтые ногти зависли над черным крестом допотопного «Нинтендо». Пальцы шевельнулись, изображение выросло. В поле зрения появилось что-то гладкое, неорганическое, – какой-то дистанционный манипулятор. По мановению доктора Икс он двинулся через хлопья иссушенной кожи.

Разумеется, они нашли множество микроорганизмов, как искусственных, так и природных. Последние напоминали крабиков и уже сотни миллионов лет тихо-мирно обитали во внешних покровах живых существ. Искусственные появились в последние несколько десятилетий. Как правило, они состояли из сферического либо цилиндрического корпуса с разными отростками-приспособлениями. Корпус представлял собой вакуоль, крохотный кусочек эвтактической среды, заключающей фазированные машинные внутренности. Диамантоидную оболочку защищало от света гальваническое алюминиевое покрытие, из-за которого мушка походила на маленький звездолет, только воздух был снаружи, а вакуум – внутри.

От корпуса отходили всевозможные механизмы – манипуляторы, датчики, системы локомоции, антенны. Последние совсем не напоминали одноименные органы насекомых – обычно это были плоские участки, покрытые как бы густой щетиной – фазированными системами, улавливающими видимый спектр. На большинстве мушек стояли название изготовителя и серийный номер – так требовал Протокол. Были мушки и без клейма – их подпольно собирают люди вроде доктора Икс, нелегальные филы, плевать хотевшие на Протокол, и секретные лаборатории, которые, по общему мнению, есть у всех дзайбацу.

За полчаса ковыряния в коже Хакворта на площади примерно в квадратный миллиметр они увидели несколько десятков мушек – число для того времени неудивительное. Почти все были взорваны. Мушки недолговечны – они маленькие, но сложные, на защитные системы места почти не остается; при встрече с космическим излучением они погибают. Энергии они тоже вмещают мало, поэтому через короткое время дохнут сами собой. Изготовители компенсируют это количеством.

Почти все мушки были так или иначе связаны с новоатлантической иммунной системой, то есть представляли собой иммунокулы, чья задача – рыскать по грязной литорали Нового Чжусина, выискивая лидерами чужаков – нарушителей Протокола. Викторианцы воспользо-

вались дарвиновским отбором, чтобы вывести хищников для определенных жертв; это было изящно и действенно, но вело к появлению форм, до которых человек не допер бы ни за что в жизни, как, твори он мир, не выдумал бы ежовой крысы. Доктор Икс не пожалел времени увеличить изображение особо причудливой мушки-убийцы, сомкнувшей смертельное объятие на неклеймленном чужаке. Это совсем не обязательно означало, что враг проник в самую кожу Хакворта; скорее дохлые мушки осели с пылью на его стол и уже оттуда попали на руку.

Чтобы объяснить, какую именно мушку они ищут, Хакворт принес репей, который снял с Фиониных волос после прогулки в парке. Он показал репей доктору Икс, тот мгновенно все понял и почти сразу нашел искомое. Эта мушка разительно отличалась от остальных, поскольку назначение, как репей, имела одно – липнуть к чему попало. Ее несколько часов назад создал индпошивовский матсборщик по заложенной программе, разместив миллионы таких репьев на обложке «Букваря». Многие прилипли к ладони Хакворта, когда тот впервые взял книгу в руки.

Многие остались на обложке, в кабинете, но Хакворт все предусмотрел заранее. Сейчас он сказал об этом вслух, просто на всякий случай, чтобы доктор Икс и его помощники не строили лишних планов.

– В репей встроен часовой механизм, – сказал он, – который сработает через двенадцать часов. У нас осталось шесть, чтобы скачать информацию. Она, естественно, закодирована.

Доктор Икс улыбнулся впервые за весь день.

Доктор Икс идеально годился для этой работы именно в силу своей беспринципности. Он сдирал чужие изобретения: коллекционировал искусственных мушек, словно какой-нибудь чокнутый викторианский энтомолог. Он разнимал их атом за атомом, исследовал принцип действия и, если находил что-нибудь новое, заносил в свою базу данных. Поскольку большинство этих полезных свойств возникало в ходе естественного отбора, доктор Икс, как правило, узнавал о них первым.

Хакворт был «генератор идей», доктор Икс – «ковыряльщик». Различие это по меньшей мере так же старо, как цифровая ЭВМ. Генератор генерирует новую технологию и, едва исследовав ее возможности, перескакивает на следующий проект. Ковыряльщик пользуется меньшим уважением, ведь со стороны кажется, будто он топчется на месте, потрошит давно не новые системы, вытягивает составные части, заставляет их делать то, чего никак не ожидал бы генератор.

Доктор Икс выбрал пару сменных манипуляторов из своего необычайно обширного арсенала. Одни, казавшиеся Хакворту знакомыми, были слизаны с викторианских, индостанских и ниппонских образцов; другие, ни на что не похожие, натуралистические, видимо, прежде входили в состав новоатлантических иммунокул – структуры, порожденные эволюцией, а не конструкторской мыслью. Двумя такими захватами доктор подцепил репей – покрытый алюминием мегапузырь, ошестинившийся проволочными крючками; на некоторых, как на шампурах, сидели хлопья сухой кожи.

Под руководством Хакворта доктор повернул репей и нашел свободный от щетинок участок: круглое углубление с узором из ямок и выступов, похожее на стыковочный порт космического корабля. По ободу его было выведено: IOANNI HACVIRTUS FECIT².

Доктор Икс в объяснениях не нуждался. Это был стандартный разъем, для которого у него под рукой имелось, наверное, не меньше десятка манипуляторов. Он выбрал один, подсоединил и отдал команду на шанхайском диалекте.

Потом стянул с головы обруч феноменоскопа и стал смотреть, как помощник наливает очередную чашку чая.

² Сделал Джон Хакворт (лат.).

– Как долго? – спросил он.

– Около терабайта, – сказал Хакворт. Это означало емкость, не время, но он знал: доктор Икс сообразит.

Пузырь содержал в себе фазированную машинную лентопротяжную систему: восемь параллельных катушек с собственными устройствами чтения-записи. Сами ленты представляли собой полимерные цепочки, в которых логические нули и единицы обозначались разными основаниями. Все было вполне стандартное, доктор знал, что информация будет переписываться со скоростью примерно миллиард байтов в секунду. Хакворт только что сказал, что на ленте записано около триллиона байтов, значит, предстояло ждать приблизительно тысячу секунд. Доктор Икс воспользовался передышкой, чтобы в сопровождении помощников выйти из комнаты и заняться параллельными направлениями деятельности своего предприятия, известного под неофициальным названием «Блошиный Цирк».

Хакворт покидает лабораторию доктора Икс; дальнейшие размышления; стихотворное послание Финкеля-Макгроу; разбойное нападение

Помощник доктора Икс распахнул дверь и беззастенчиво кивнул в сторону улицы. Хакворт нахлобучил цилиндр и вышел из Блошиного Цирка. Едкие китайские запахи ударили в лицо. У Хакворта аж слезу вышибло – казалось, в сотне миллионов горшков перекалывают кунжутное масло, кипятят опивки лапсанг сушонг, топят свиной жир, палят куриные перья и жарят чеснок. Пока глаза не привыкли, пришлось нащупывать мостовую кончиком трости. Он стал беднее на несколько тысяч международных валютных единиц. Деньги большие, но ни один отец не мог бы распорядиться ими разумнее.

Фактория доктора Икс располагалась в минском* сердце Шанхая; здесь, за оштукатуренными стенами, лепились маленькие кирпичные домики с черепичными крышами, обмазанные все той же серой штукатуркой. Из окон второго этажа торчали металлические шесты для белья, и казалось, дома фехтуют друг с другом через узкую улочку. Этот район примыкал к основанию городской стены, выстроенной в древности для защиты от японских ронинов и впоследствии скрытой – сейчас на ее месте проходила кольцевая дорога.

Он относился к Внешнему государству, то есть заморские дьяволы сюда допускались, но, правда, лишь в сопровождении китайца. Дальше, в древнем городе, по слухам, прятался клочок Срединного государства – Поднебесной, или, как предпочитали говорить сами жители, ПН, куда иностранцам вход заказан категорически.

Помощник проводил Хакворта до границы, дальше тому предстояло идти через Прибрежную Китайскую Республику, включающую, помимо прочего, значительную часть Шанхая. Словно подчеркивая контраст, по углам кучковались молодые люди в европейских костюмах – они слушали громкую музыку, окликали женщин и вообще пренебрегали сыновним долгом.

Хакворт мог бы взять авторикшу – кроме них, велосипедов и мотороликов никакой транспорт не втиснулся бы в узкие улочки. Однако кто знает, какие подслушивающие или подглядывающие устройства спрятаны в шанхайских такси. Отъезд новоатлантического джентльмена из Блошиного Цирка, да еще в столь поздний час, способен заинтересовать жандармов – они так запугали преступный элемент, что теперь не знают, бедняги, к чему бы приложить руки. Мудрецы, провидцы и физики-теоретики могут только гадать, какая связь существует (если существует) между разносторонней деятельностью Шанхайского полицейского управления и реальным поддержанием порядка.

Прискорбно, но Хакворт, пробираясь узкими закоулками французского сэттлмента, радовался такому всемогуществу полиции. На перекресток за несколько домов от него вышли молодые ребята, их лоскутные нанобаровые куртки – кому, кроме уличных грабителей, взбредет такие надеть? – тускло блеснули в кроваво-красном свете медиатронных табло. Хакворт успокоил себя мыслью, что шайка, наверное, только что пришла по дамбе с Арендованных Территорий – не обнаглеют же они настолько, чтобы нападать на джентльмена прямо посередине улицы. Как-никак, это Шанхай. Тем не менее он обошел перекресток. До сих пор он был вполне законопослушным гражданином и сейчас с удивлением осознал, что таким, как он, преступникам-интеллектуалам, необходима защита жесткого полицейского государства.

Этим вечером на Хакворта несколько раз накатывал жгучий стыд, и всякий раз он защищался доводами разума. Что, собственно, такого дурного в его поступке? Он не продает на сторону технологии, разработанные в Индпошиве для Финкеля-Макгроу. Он ничего не приобретает для себя. Он просто хочет обеспечить своему потомству лучшее место в жизни, а это – долг каждого отца.

Старый Шанхай располагался на берегу Хуанпу – когда-то мандарины сидели здесь в садовых беседках, любуясь на реку. Минут через пять Хакворт перешел по мосту в Пудун и теперь брел в узком ущелье между освещенными небоскребами, направляясь к побережью в нескольких милях восточнее.

Из прежнего прозябания на индпошивовский Олимп его вынесло изобретение медиатронных палочек для еды. Тогда он работал в Сан-Франциско. Компания изо всех сил пыжилась нащупать что-нибудь китайское и таким образом обскакать ниппошек, которые нашли способ получать сносный рис (пять разных сортов!) непосредственно из подачи, без мышинной суеты кули на заливных полях. Теперь два миллиарда крестьян могли повесить конические шапки на крюк и серьезно заняться отдыхом (не думайте, будто ниппонцы не предусмотрели, что им на этот случай предложить). Умные головы наверху сообразили не тянуться за японцами в производстве нанотехнологического риса, а обойти их в массовом выпуске готовых блюд, от пельменей до числового интерактивного гадательного печенья. Хакворту поручили сравнительно легкую задачу – запрограммировать матсборщик на выдавливание палочек для еды.

Чего бы проще сделать их пластмассовыми – полимеры и нанотехнология шли рука об руку, как зубная паста и тюбик. Однако Хакворт в студенческие годы поел свое в китайских забегаловках и приобрел устойчивую неприязнь к пластмассовым палочкам – они скользкие и норовят выскочить из неловких пальцев гуайло*. Лучше уж бамбуковые, и запрограммировать их немногим труднее, нужно лишь приложить чуточку воображения. После этого концептуального прыжка он почти сразу набрел на мысль продавать рекламное место на ручках – палочки для еды и китайское вертикальное письмо словно созданы друг для друга. Вскоре он представил наверх свой проект: дружественные пользователю бамбоидные палочки с цветными рекламными объявлениями, бегущими по ручкам в реальном времени, как заголовки на Таймс-сквер. За это начальственная рука перебросила его в Индпошив, по другую сторону Тихого океана, в Шанхайскую Атлантиду.

Теперь он видел эти палочки повсюду. Лордам – привилегированным акционерам – они принесли миллиарды, самому Хакворту – премию в размере недельного оклада. Вот оно, различие между классами.

По сравнению с большинством земного населения он жил очень даже неплохо, и все равно его заедало. Для Фионы он хотел большего. Привилегированных акций. Не жалкие гроши в обычных акциях, но серьезное положение в крупной компании.

Чтобы достичь этого, надо организовать собственную компанию и провести ее по бурному житейскому морю. Хакворт частенько об этом думал, но так и не осуществил. Почему – непонятно. Идей у него было хоть отбавляй. Он заметил, что в Индпошиве множество инженеров, у которых нет недостатка в идеях, но компаний они не создают. Он встречал кое-каких видных лордов, тесно общался с Финкелем-Макгроу в процессе работы над «блюдечком» и убедился, что они отнюдь не семи пядей во лбу. Разница – в характере, не в природном уме.

Себя Хакворту уже не изменить. Иное дело – Фиона.

Еще до того как Финкель-Макгроу пришел к нему с идеей «блюдечка», Хакворт много размышлял на эту тему, главным образом, когда гулял по парку с Фионой на плечах. Он знал, что кажется дочери чужим, отстраненным, а все потому, что, когда они вместе, не мог не думать о ее будущем. Как внушить ей дворянский взгляд на жизнь, готовность идти на риск, создавать компанию, может быть, не одну и не две, после того как первая потерпит крах? Он читал биографии выдающихся пэров и почти не находил в них общих черт.

Как раз когда он решил махнуть рукой – будь что будет, – лорд Финкель-Макгроу пригласил его в свой клуб и завел разговор в точности на ту же тему.

Финкель-Макгроу не мог воспрепятствовать родителям Элизабет отдать ее в ту же школу, в которой разочаровался сам. Дед не вправе командовать. Его дело – баловать и дарить

подарки. Так почему бы не придумать подарок, который внесет в жизнь Элизабет нужную составляющую?

Очень остроумная мысль, сказал Хакворт, шокированный циничной откровенностью Финкеля-Макгроу. Но что это за составляющая?

Точно не знаю, отвечал Финкель-Макгроу, но для начала просил бы вас на досуге подумать над смыслом слова «ниспровергатель».

Долго думать Хакворту не пришлось, наверное, потому, что он давно размышлял о том же. Семя зрело в его мозгу несколько месяцев, но так и не дало всходов, наверное, по той же причине, по какой его идеи так и не вылились в собственную компанию. Ему не хватало чего-то, теперь он понял чего. Лорд Александр Чон-Сик Финкель-Макгроу, воплощение викторианского истеблишмента, был ниспровергатель. Он страдал от того, что его дети – иные, и не желал, чтобы Элизабет воспитали в том же почтении к традициям. Сейчас он пытался сбить с пути собственную внучку.

Через несколько дней золотое автоматическое перо зазвенело. Хакворт достал чистый лист и вызвал почту. На странице проступило следующее:

ВОРОН

Рождественская сказка, которую школьник рассказал своим младшим братьям и сестрам
Сэмюэл Тейлор Кольридж (1798)

Под старым дубом в тени ветвей
Паслось огромное стадо свиней.
Хрюкая, твари подгрызли ствол –
Так он грянулся оземь, что грохот пошел!
Ветер поднялся, свиньи ушли,
И желудь последний остался в пыли.
Тут Ворон явился, суровый и злой:
Служил он при ведьме Печали слугой!
Был он черной смолы черней,
Перья его не боялись дождей.
Он желудь нашел и в землю зарыл
На речном берегу, где поток бурлил.
Куда же Ворон полетел?
Выше, ниже, – дерзок, смел, –
Через горы и доли Ворон летел,
Много лет и много зим
По краям летал чужим,
Повидал он белый свет –
Все исчислить мочи нет.
Он прилетел с Воронихой назад,
Стал дубом желудь, и ветви шумят.
Вывели птицы птенцов в гнезде,
Жили, не думая о беде,
Но раз Дровосек явился в лес,
Его лоб над глазами висел, как навес,
Он топор держал, он все время молчал,
Но, кряхтя, топором махал и махал, –
И дуб могучий на землю упал.
Погибли птенцы, не умея летать,
И от горя тогда умерла их мать.

Ветви злодей обрубил со ствола,
Ствол оголенный река унесла,

И его распилили на много досок
И корабль сколотили – крепок, высок.
Но едва он из гавани выйти успел,
Как невиданный шторм завыл, закипел,
Корабль подхватил и на риф посадил –
А над мачтами, каркая, Ворон кружил,
И слышал он вопль погибавших тогда,
И верхушки мачт захлестнула вода!
Радостно Ворон взмахнул крылом,
И увидел Смерть на туче верхом,
И ей поспешил благодарность принести:
Тому, кто обижен, сладостна Месть!³

Мистер Хакворт!

Стихотворение иллюстрирует мысль, которую я лишь затронул на нашей встрече в прошедший вторник, и, надеюсь, поможет Вам в Ваших паремиологических изысканиях*.

Кольридж написал его в пику современной ему детской литературе – назидательной и скучной, вроде того, чем пичкают наших детей в сегодняшних «лучших» школах. Как видите, стихотворение приятно освежает своим нигилизмом. Возможно, такой материал поможет воспитать искомые качества.

Буду рад продолжить этот разговор.

Финкель-Макгроу

С этого начался проект, растянувшийся на два года и завершившийся сегодня. До Рождества оставалось чуть больше месяца. Четырехлетняя Элизабет Финкель-Макгроу получит «Иллюстрированный букварь для благородных девиц» в подарок от деда.

Фиона Хакворт тоже получит «Иллюстрированный букварь» – в этом и состояло преступление Джона Персиваля Хакворта. Он запрограммировал матсборщик поместить репы на обложку букваря Элизабет. Он заплатил доктору Икс, чтобы тот скачал терабайт данных с одного из репьев. Данные эти представляли собой зашифрованную копию программы, созданной «Букварь». Он заплатил доктору Икс за использование нелегального матсборщика, подключенного к личному источнику доктора и не связанного с Линией Подачи. Он создал второй, тайный экземпляр букваря.

Репьи уже саморазрушились, не оставив следов преступления. В компьютере доктора Икс, вероятно, сохранилась копия файла, но она зашифрована – доктору Икс хватит ума стереть ее и освободить память; он понимает, что шифровальные силы, применяемые такими, как Хакворт, не взломать без божественного вмешательства.

Вскоре дома раздвинулись, шуршание колес о мостовую слилось с плеском волн о пологий Пудунский берег. За многоцветной мозаикой Арендванных Территорий на противоположном берегу громоздились белые огни Новой Атлантиды. Они казались такими далекими, что Хакворт, повинуясь внезапному порыву, взял велосипед у старичка, устроившего прокат

³ Пер. В. Рогова.

под самой дамбой. Влажный ветер дул в лицо, охлаждал руки; на Хакворта накатила бесшабашная удаль. До самого подъема он крутил педали, дальше позволил внутренним аккумуляторам велосипеда вынести себя наверх, на перегибе отключил их и помчал вниз, наслаждаясь скоростью.

Цилиндр слетел на мостовую. Это был хороший цилиндр, с умной тульей, которая, если верить производителям, исключает такие неприятности, но кто, как не Хакворт, знал цену рекламным посулам. Сейчас он так разогнался, что не сумел вырулить назад, и потому тормознул.

Когда, наконец, он развернулся, цилиндра нигде не было. Навстречу катил другой велосипедист – мальчишка в облегающем нанобаровом костюме. На голове его красовался Хакворт-тов цилиндр.

Инженер решил не обижаться – а как бы иначе мальчишка доставил ему шляпу, не в руке же, чем бы он тогда держался за руль?

Однако велосипедист не спешил тормозить – он мчался прямо на Хакворта. В следующее мгновение он отпустил руль и вцепился в поля цилиндра. Хакворт подумал, что он бросит шляпу на ходу, но сорванец только натянул ее плотнее и с наглой ухмылкой промчался мимо.

– Стой! Стой сейчас же! У тебя мой цилиндр! – заорал Хакворт, но мальчишка не остановился. Хакворт стоял, оседлав раму, и, не веря своим глазам, смотрел, как обидчик исчезает вдали. Потом он включил моторчик и полетел вдогонку.

Первым его движением было кликнуть полицию. Но это дамба, значит, снова шанхайские жандармы. Да они и не успели бы догнать хулигана, который был уже в конце дамбы, у развилки, откуда мог свернуть на любую из Арендованных Территорий.

Хакворт едва не догнал его. Без моторчика это было бы делом нескольких минут: Хакворт каждый день занимался в клубе, мальчишка же выглядел толстым и рыхлым, как все плебы. У первого ската, ведущего к Арендованным Территориям, Хакворт отставал на какие-то десять метров. Соблазн догнать был слишком велик. Указатель над головой гласил: «Заколдованная даль».

На скате мальчишка разогнался еще сильнее и снова вцепился в цилиндр. Переднее колесо вильнуло. Мальчишка вылетел из седла. Велосипед еще немного проехал и со звоном врезался в бордюр. Мальчишка рикошетом отскочил от асфальта и пропахал носом несколько метров. Сплюснутый цилиндр покатился, сделал сальто и замер. Хакворт ударил по тормозам, но поздно – мальчишка остался позади. Как в прошлый раз, сразу вырулить не удалось – пришлось упираться ногами в асфальт и разворачивать велосипед.

Тут только Хакворт понял, что мальчишка был не один. Их оказалась целая шайка, возможно, та же, которую он видел в Шанхае. Они следили за ним до самой дамбы и воспользовались упавшим цилиндром, чтобы заманить его на Арендованные Территории. Четверо или пятеро малолетних велосипедистов летели к нему по скату; огни всех медиатронных щитов в тумане Арендованных Территорий поблескивали на хромированных нунчаках.

Миранда; как она стала рактрисой; первые шаги на сцене

С пяти лет Миранда мечтала играть в рактивке. С четырнадцати, с тех пор как мать забрала ее от отца и отцовских денег, она работала прислугой на все руки, резала лук в чужих домах, чистила серебряные подносы для визитных карточек, лопаточки для рыбы и щипчики для сахара. Как только ей удалось, накрасившись и причесавшись, сойти за восемнадцатилетнюю, она пошла в гувернантки – за это платили чуть больше. Следующие пять лет работала с детьми. С такой внешностью вполне можно было стать горничной, пробиться в старшую прислугу, но Миранда предпочитала гостиной детскую. Родители, надо отдать им должное, при всех своих недостатках дали ей прекрасное образование: Миранда читала по-гречески, спрягала латинские глаголы, говорила на нескольких романских языках, умела взять интеграл от десятка простеньких функций и брэнчала на фортепьяно. Теперь все это пригодилось. К тому же даже самые вредные шалуны лучше взрослых.

Когда те наконец отрывали просиженные зады от офисных стульев и притаскивались домой, чтобы полноценно провести вечер с детьми, Миранда скрывалась в свою каморку и влезала в самый паршивый, самый дешевый рактюшник, какой только можно найти. Она не собиралась раскошелиться на широко разрекламированные новинки. Платить будет не она, а ей, мастерство же оттачивать можно и в живом Шекспире, и в мертвом боевике.

Как только набралась заветная сумма, Миранда направилась в модное ателье. Она несла подбородок высоко, словно бушприт клипера над черным вязаным хомутом, очень похожая на рактрису, и с порога потребовала сделать ей «Джоди». В очереди приподняли головы. Дальше слышалось только «очень хорошо, мэм», «пожалуйста, присядьте вот здесь, мэм» и «желаете чаю, мэм?». С тех пор как мать ушла от отца, Миранде не предлагали чаю, только требовали подать, и она понимала, что при самом удачном раскладе другого случая ждать еще не год и не два.

Татуировочная машина работала шестнадцать часов; Миранде закачивали в вену валиум, чтобы не кричала. Обычная татуировка делается с полпинка. «Вы уверены, что хотите череп и кости?» – «Уверена» – «Точно?» – «Точно», и – чпок! – вот он череп, истекает кровью и лимфой, впечатанный в эпидермис волной давления, которая чуть не выбросила тебя из кресла. Кожная сетка – совсем другая история, а «Джоди» – верхняя в списке, в сто раз больше зитов, чем у иной начинающей порнорактрки, иногда до ста тысяч только на лице. Хуже всего было, когда машинка полезла в горло, тянуть нанофоны от связок до самых десен. Тут она закрыла глаза.

Дома Миранда порадовалась, что выбрала для операции канун Рождества – на завтра она бы просто не управилась с детьми. Лицо распухло в точности как обещали, особенно у губ и глаз, где зитов больше всего. Ей дали таблетки и кремы, она проглотила и вымазала все. На третий день, когда Миранда поднималась кормить детей завтраком, хозяйка проводила ее долгим взглядом, но ничего не сказала – решила, наверное, что девушка схлопотала от пьяного ухажера на рождественской вечеринке. Это было совсем не в духе Миранды, но что еще могла подумать новоатлантическая женщина?

Когда припухлость спала и сошла краснота, Миранда упаковала пожитки в козную сумку и села на метро до города.

У театрального квартала был хороший конец и плохой. Хороший располагался в точности там же, где и столетия назад. Плохой тянулся скорее вверх, чем вширь, поскольку занимал два-три утраченных былую порядочность административных небоскреба. Взгляд они не радовали, зато идеально подходили для производства рактивов, поскольку строились в расчете на множество людей, работающих бок о бок за тонкими перегородками.

– Дай-ка глянуть, что у тебя за сетка, красавица.

Мужчина, велевший называть его мистером Фредом (не настоящее мое имя) Эпидермисом, вынул изо рта сигару. Глаза его методично ощупали Миранду с головы до пят.

– У меня никакая не «красавица», – ответила Миранда.

Красавица™ и Герой™ – названия сеток, которые наносят себе миллионы женщин и мужчин соответственно. Они вовсе не стремятся быть рактерами, просто хорошо выглядеть в рактивке. Некоторые дуры воображают, будто с такой сеткой можно сделать карьеру; для большинства из них, надо думать, все начинается и заканчивается разговором с Фредом Эпидермисом.

– О, я заинтригован. – Он скривил губы. Миранда улыбнулась, предвидя свое торжество. – Давай на сцену, покажешь, что там у тебя.

Кабинки, в которых работали его рактеры, сканировали одну голову, впрочем, было и несколько в полный рост, наверное, чтобы брать заказы на полностью рактивное порно. На одну из таких хозяин и указал Миранде. Та вошла, захлопнула дверцу, повернулась к медиатрону и впервые увидела свою новую «Джоди».

Фред Эпидермис поставил режим «созвездие». Миранда смотрела на черную стену, усеянную двадцатью, а то и тридцатью тысячами светящихся точек. Они сливались в трехмерное созвездие Миранды, повторявшее ее движения. Каждая точка маркировала энзит, вживленный в кожу татуировочной машиной за шестнадцать часов пытки. Медиатрон не показывал связующие их нити – еще одну систему, переплетенную с нервной, лимфатической и кровеносной.

– Обосраться можно! Новая Хепберн, мать твою за ногу! – вскричал Фред Эпидермис, глядя на другой медиатрон.

– Это «Джоди», – начала Миранда и запнулась – звезды заколыхались, воспроизводя движения губ.

Снаружи Фред Эпидермис возился с настройкой, увеличивал звездное скопление ее лица. По сравнению с ним руки и ноги казались разреженными туманностями, а затылок почти пропадал, едва намеченный какой-нибудь сотней зитов. Глаза зияли пустыми дырами. Наверное, если закрыть их, будет иначе. Чтобы проверить, Миранда подмигнула медиатрону. На веках зиты шли густо, как трава на поле для гольфа, но собирались в гармошку, пока не закрыешь один глаз полностью. Фред Эпидермис заметил это и приблизил сощуренное веко так, что Миранда чуть не села. До нее донесся смешок.

– Привыкай, – сказал хозяин. – А теперь постой неподвижно – наведу на губы.

Он увеличивал разрешение, крутил так и сяк, а Миранда тянула губы трубочкой, поджимала, прикусывала. Слава богу, делая губы, ее накачали до бесчувствия: сюда вживили тысячи нанозитов.

– Похоже, на нас свалилась Актриса, – сказал Фред Эпидермис. – Попробую тебя на самую трудную нашу роль.

Внезапно на медиатроне появилась белокурая голубоглазая девица в позе Миранды – у нее были длинные волосы, белый свитер с буквой F на груди и вызывающе короткая юбка. В руках она держала какие-то большие штуки, яркие и пушистые. Американская школьница прошлого века – Миранда видела таких в старых пассивках.

– Это Десятиклассница. Немного старомодна на твой и мой вкус, но все еще пользуется спросом, – сказал Фред Эпидермис. – Конечно, твоя сетка для этой роли чересчур хороша, но, блин, мы дадим клиенту то, что ему нужно.

Миранда почти не слышала его – впервые она видела, как другая женщина в точности копирует ее жесты: павильон трансформировал сетку в воображаемую фигуру. Миранда сжала губы, как будто только что провела помадой, – Десятиклассница сделала то же самое. Она подмигнула – Десятиклассница подмигнула. Она тронула нос – и Десятиклассница заехала себе помпоном в лицо.

– Давай прогоним сцену, – сказал Фред Эпидермис.

Десятиклассница исчезла, появился электронный бланк с окошками для имени, фамилии, номеров, дат и других сведений. Он мелькнул так быстро, что Миранда ничего не успела прочесть – для пробы контракта не требовалось.

Потом Десятиклассница появилась снова, камера показывала ее с двух разных углов. Экран разделился на несколько панелей. В одной было лицо Десятиклассницы, которое по-прежнему копировало Миранду. На другой Десятиклассница и пожилой мужчина стояли в комнате со множеством приборов. В третьей было лицо мужчины, и Миранда поняла, что его играет Фред Эпидермис. Пожилой сказал:

– Помни, мы обычно играем это в лицевом павильоне, так что не пытайся управлять руками и ногами.

– Как же мне ходить? – спросила Миранда.

Десятиклассница зашевелила губами, из медиатрона донесся ее голос – визгливый и одновременно грудной.

– Стой на месте. Компьютер решит, когда тебе идти и куда. Наше маленькое жульничество. Это не настоящая рактивка, скорее – сюжетное дерево, но нашей клиентуре сойдет и так, потому что все листья – сюжетные разветвления – ведут к одному и тому же, ну, чего хочет клиент, поняла? Ладно, увидишь, – сказал старик на экране, прочитав на лице Десятиклассницы растерянность Миранды. Компьютер преобразил осторожное сомнение в испуг широко распахнутых наивных глаз.

– Ремарки! Смотри на ремарки, чтоб тебя! У нас не импровизируют! – заорал старик.

Миранда взглянула на другие панели. Одна показывала план комнаты, ее и старика положение; время от времени стрелки отмечали, кто куда двинулся. На следующей – суфлерской – мигала красная строчка.

– Здравствуйте, мистер Вилли! – сказала Миранда. – Я знаю, уроки кончились и вы устали целый день учить противных мальчишек, но я хотела бы попросить вас об огромной-преогромной услуге.

– Конечно, конечно. В чем дело? – оттарабанил Фред Эпидермис ртом мистера Вилли, даже не стараясь играть.

– Ну, понимаете, вот это приборчик мне очень, очень дорог, а, кажется, он сломался. Может, вы почините? – сказала Миранда.

Десятиклассница на экране произносила те же слова, но рука ее двигалась. Она поднесла к лицу что-то белое, длинное, гладкое. Вибратор.

– Ну, – сказал мистер Вилли, – наука говорит, что все электрические приборы работают по одному принципу, следовательно, теоретически я мог бы тебе помочь. Однако, должен сознаться, я впервые вижу такой прибор. Не объяснишь ли, что это и как применяется?

– С радостью, только... – начала Миранда, но тут изображение замерло, и Фред Эпидермис заорал через дверь: – Довольно! Я просто проверял, умеешь ли ты читать.

Он распахнул дверцу павильона и сказал:

– Ты принята. Кабинка 238. Мои комиссионные – восемьдесят процентов. Общежитие наверху. Выбери себе койку – хочешь нижнюю, хочешь верхнюю – и выгребь с нее мусор. Другое жилье ты не потянешь.

Гарв приносит подарок; Нелл экспериментирует с Букварем

В ту ночь Гарв вернулся, сильно припадая на одну ногу. Когда свет упал на его лицо, Нелл увидела потеки крови, смешанной с грязью и тонером. Гарв часто дышал и тяжело сглатывал, словно его мутит. Однако он явился не с пустыми руками, под курткой у него что-то было.

– Я отличился, Нелл, – сказал он, видя, что сестра от испуга боится открыть рот. – Не очень, но все-таки. Раздобыл кое-что для Блошиного Цирка.

Нелл не знала, какой он, Блошиный Цирк, но уже усвоила, что раздобывать для него – хорошо; Гарв обычно возвращался оттуда с кодом доступа к новому рактюшнику.

Гарв плечом (руки у него были заняты, прижимали добычу) включил свет, потом встал на колени и только после этого отпустил руки, словно боялся выронить какую-то мелочовку, которая закатится в угол, потом ее не найдешь. Нелл сидела перед ним и смотрела.

Гарв вытащил красивый кругляшок на золотой цепочке. Одна сторона у него была тоже золотая, гладкая, другую – белую – закрывала плоская стеклянная крышечка. По окружности шли цифры. Две тонких металлических штучки вроде кинжалов, одна подлиннее, другая покороче, сходились посредине рукоятками. Они скреблись, словно мыши, когда в темноте стараются прогрызть стену.

Нелл не успела ничего спросить, потому что Гарв продолжал доставать разные разности. Несколько картриджей для мушеловки. Завтра он отнесет их в Блошиный Цирк и узнает, попалось ли что-нибудь стоящее.

Были еще какие-то вроде пуговики, но самое главное Гарв приберег под конец и теперь важно вручил сестре.

– Мне пришлось за нее драться, – сказал он. – Знаешь, как я дрался! Иначе ребята разобрали бы на части. Держи, это тебе.

Он протянул Нелл плоскую украшенную коробочку. Нелл сразу поняла, что это – драгоценность. Она видела не много драгоценностей, но все они были такие – темные, как шоколадки, и с золотом.

– Двумя руками, – приказал Гарв. – Тяжелая.

Нелл протянула обе ладони. Гарв предупреждал не зря – коробочка оказалась тяжелее, чем она думала. Нелл пришлось положить ее на колени, чтобы не выронить. Это оказалась вовсе не коробочка. На крышке блестели золотые буквы. Левый торец, выпуклый, был из чего-то мягкого и теплого, но прочного, остальные – бежевые – чуть уходили вглубь.

– Открой же, – не утерпел Гарв.

– Как?

Гарв наклонился, ухватил пальцами правый угол и потянул вверх. Вся крышка повернулась на петле и потянула за собой бежевые листочки.

Под крышкой оказалась бумага с рисунком и еще буквы.

На первой странице была нарисована девочка. Она сидела на скамейке. Над скамейкой была вроде как лестница, только она не стояла, а лежала боком на двух столбиках. По столбикам вились зеленые плети. Девочка сидела спиной к Нелл и смотрела на зеленый цветущий склон. Дальше голубело озеро. За озером были горы – Гарв рассказывал, что такие есть в середине Нового Чжусина; там, в заоблачных домах, живут самые богатые вики. Девочка держала на коленях книгу.

На соседней странице, в левом верхнем углу, была маленькая картинка: лианы и цветы обвивали огромную, похожую на жука букву, и больше ничего интересного, только скучные черные строчки. Нелл перелистнула и увидела две страницы с буквами, правда, некоторые были большие и разрисованные. Она стала переворачивать дальше и нашла еще картинку.

Здесь девочка отложила книгу и разговаривала с большой черной птицей, которая, похоже, запуталась ногой в лиане. Нелл перелистнула ее.

Страницы, которые она уже посмотрела, выдирались из-под большого пальца, как живые. Нелл приходилось давить сильнее. Наконец они выгнулись посередине, скользнули из-под пальца и – шлеп-шлеп-шлеп – вернулись в начало.

«Жила-была девочка, – сказал женский голос. – Ее звали Элизабет. Она любила сидеть в беседке у дедушки в саду и читать сказки».

Голос был ласковый, вкрадчивый, очень викторианский.

Нелл захлопнула книгу и бросила на пол. Та проехала и остановилась возле дивана.

На следующий день мамин дружок Тад пришел злой как черт. Он шваркнул ящик с пивом на кухонный стол, вытащил банку и пошел в комнату. Нелл схватила Заврика, Утю, Питера, Мальвину, волшебную палочку, бумажный пакет (это была машина, в которой катались дети), кусок картона (меч, чтобы убивать пиратов) и побежала в спальню, но Тад уже вошел с пивом и шарил свободной рукой на диване, ища пульт от медиатрона. Игрушки Гарва и Нелл он побросал на пол. Тут его босая нога наткнулась на жесткий переплет.

– Черт! – завопил Тад, обалдело таращась на книгу. – Это еще что за дрянь? – Он уже было пнул ее, но вспомнил, что босой, поднял и взвесил на руке, одновременно прикидывая азимут и расстояние до Нелл. – Падла безмозглая, сколько раз говорить, чтобы убирала свое дерьмо! – Он полуобернулся, отвел руку и запустил книгой прямо в голову Нелл.

Та даже не сообразила увернуться. Книга летела прямо на нее, но в последний момент обложка раскрылась, страницы расщеперились и совсем не больно скользнули по лицу.

Книга упала на пол и раскрылась на первой странице.

Там был большой черный дядька и девочка. Они стояли в разгромленной комнате, дядька держал книгу и целил девочке в голову.

«Жила-была девочка по имени Падла», – сказала книга.

– Меня зовут Нелл, – поправила Нелл.

По буквам на первой странице пробежала легкая рябь.

– Ты у меня забудешь, как тебя зовут, если не унесешь, что вы тут разосрали! – заорал Тад. – Только не сейчас! Дадут мне когда-нибудь побыть одному!

Руки у Нелл были заняты, поэтому книжку пришлось толкать ногой. Она высыпала всю охапку на матрасик, потом побежала и закрыла дверь. Меч и волшебную палочку она оставила под рукой, вдруг понадобятся, потом уложила Заврика, Утю, Питера и Мальвину рядком и укрыла одеяльцем под самые подбородки.

– А теперь спатеньки, спатеньки, спатеньки, и ведите себя тихо, а то вы безобразничали, сердили Тада. Утром зайду.

«Нелл уложила детей и решила почитать им на ночь», – сказал голос из книги.

Нелл поглядела. Книга снова открылась. Сейчас на картинке была девочка, очень похожая на Нелл, только в красивом просторном платье и с лентой в волосах. Она сидела возле крохотной колыбельки, где лежали ее дети, укрытые пестрым одеяльцем: динозаврик, уточка, кролик и пупсик с голубыми волосами. Девочка, очень похожая на Нелл, держала на коленях книгу.

«Раньше Нелл не читала им перед сном, – продолжала книга, – а теперь они подросли, и Нелл решила воспитывать их как положено и читать, когда они лягут в постельку».

Нелл подняла книгу и положила на колени.

Нелл знакомится с Букварем

Книга говорила приятным контральто и произносила слова, как самые-пресамые вики. Голос был настоящей женщины, только Нелл никогда такой не видела. Он взлетал и падал волнами, и, когда Нелл закрыла глаза, ее унесло в теплое море чувств.

Жила-была маленькая принцесса по имени Нелл, и она томила в темном замке посреди большого-пребольшого океана вместе со своим товарищем и защитником, мальчиком по имени Гарв. Еще с ней жили четыре друга: Динозавр, Уточка, Кролик Питер и Мальвина.

Принцесса Нелл не могла уйти из Темного замка, но время от времени их навещал ворон...

– Кто такой ворон? – спросила Нелл.

На картинке был остров с птичьего полета. Он стал уменьшаться и совсем исчез, остались только море, небо и черная точка посередине. Она росла и превратилась в птицу, а внизу проступили большие буквы.

– В О Р О Н, – сказала книга. – Ворон. Давай повторим вместе.

– Ворон!

– Молодец! Нелл, ты такая умненькая, у тебя так хорошо получаются слова. Можешь прочесть слово «ворон»?

Нелл неуверенно молчала. Уши ее еще горели от похвалы. Через несколько секунд первая буква замигала. Нелл ткнула в нее.

Буква стала расти, и росла, пока не вытеснила со страницы все остальное. Дужки у нее увеличивались, превратились в колесики со спицами, они крутились. Палочка стала рамой. «Вэ – велосипед», – сказала книга. Картинка по-прежнему менялась. Появился маленький руль. На велосипеде сидела Нелл. Она ехала в гору. «Нелл на Велосипеде Въехала на Вершину Высокого Вулкана», – сказала книжка. На странице появились еще слова.

– А зачем?

– Она Обронила Обруч и Озирает Окрестности, – разъяснила книга и показала обруч – он был пестрый и катился совсем не быстро. Потом обруч уменьшился и стал черной буковкой. – «О» означает обруч. Разноцветный обруч с Разбега Ринулся в Ревущую Реку.

Сказка продолжалась. Появился Оборотень, который Объялся Орехами и Нарочно Нырнул за обручем. Снова вернулась картинка с вороном и буквами.

– Ворон. Ты можешь прочесть «ворон», Нелл?

На странице материализовалась рука и указала на букву «в».

– Вэ, – сказала Нелл.

– Замечательно, Нелл! Ты щелкаешь буквы, как орешки! – сказала книга. – Это какая?

Нелл не помнила, но книга рассказала ей сказку про Ослика по имени Отто.

Юный грабитель перед судьей Ваном; магистрат советуется с помощниками; справедливый приговор

– Вращающаяся цепь нунчаков дает на экране радара индивидуальный отпечаток, как лопасть вертолета, но более шумный. – Мисс Бао перевела взгляд с полукружий феноменоскопических очков на судью Вана и растерянно заморгала; слишком резким оказался переход от улучшенной стереоскопической картинки к тусклой реальности. – Группа подобных отпечатков была зарегистрирована птичьим глазом Шанхайского полицейского управления через десять секунд после двадцати трех часов пятидесяти одной минуты.

Изображение на большом свитке медиатронной бумаги, расстеленном перед судьей Ваном на парчовой скатерти и придавленном яшмовыми пресс-папье, изменилось. Сейчас это была карта Арендованной Территории «Заколдованная даль», недалеко от дамбы мигал красный контур. Другая панель, в углу, показывала стандартный символ антикриминального птичьего глаза, всегда напоминавший судье Вану мяч для американского футбола в святилище фетишиста: черный, блестящий, утыканный гвоздями.

Мисс Бао продолжала:

– Птичий глаз отрядил восемь аэростатов с видеокамерами.

Утыканный мяч исчез, появился каплевидный снаряд размером с миндальное зернышко: сзади у него была антенна, спереди – дивной красоты радужка. Судья Ван на самом деле не слушал: с подобного изложения начинались три четверти процессов, разбираемых в этом зале. Честь и хвала педантичности мисс Бао, которая заново вникает в каждое новое дело. Судье Вану требовалось немалое усилие воли, чтобы из заседания в заседание хранить торжественно-вдумчивый вид.

– Сойдясь на месте происшествия, – продолжала мисс Бао, – они отметили движение.

На свитке карта сменилась видеозаписью. Фигуры были далеко, стайки относительно темных пикселей пробивались сквозь плотный серый фон, как грачи на зимнем ветру. Они росли и становились четче – это значило, что аэростат подлетает ближе.

Посреди улицы лежал, обхватив голову, человек. Нунчаки уже исчезли в карманах, руки шарили по бесчисленным карманам брюк, жилета и пиджака. Съемка замедлилась. Качнулись на золотой цепочке часы, послав в глаза гипнотическую осциллирующую вспышку. Серебряная авторучка взвилась космической ракетой и пропала в складках чьего-то противомушечного одеяния. Мелькнул непонятный предмет, большой, темный, со светлыми краями. Может быть, книга.

– Эвристический анализ изображения заставил предположить, что имеет место насильственное преступление, – сказала мисс Бао.

Судья Ван ценил ее за многое, но особенно – вот за это умение, не поморщившись, выдавать подобные фразы.

– Птичий глаз отрядил эскадрилью аэростатов, специализирующихся на нанесении меток.

Появился новый значок: длинный узкий аэростатик, похожий на осу, у которой оторвали крылышки. Эта обтекаемая конструкция, снабженная воздушной турбиной, говорила о скорости.

– Подозреваемые приняли контрмеры, – продолжала мисс Бао так же бесстрастно.

На медиатроне преступники отступали. Судья Ван видел десятки тысяч таких записей и сейчас со знанием дела оценивал тактику. Простые уличные громилы бросились бы врассыпную, но эти отходили методично, по двое на велосипеде: один крутил педали и рулил, другие принимали контрмеры. Двое пшикали в воздух из чего-то вроде огнетушителей, поводя струей из стороны в сторону.

– Следуя тактике, уже известной правоохранительным силам, – продолжала мисс Бао, – они распыляли вязкую пену, которая забивает входные отверстия воздушных турбин и выводит аэростаты из строя.

Медиатрон начал испускать короткие яркие вспышки, так что судья Ван зажмурился и поднес руку к переносице. Видеозапись прервалась.

– Другой подозреваемый использовал стробоскопический источник света, чтобы определить положение видеостатов и уничтожить их лазерными импульсами – вероятно, посредством специального устройства, в последнее время получившего широкое распространения у преступного элемента АТ.

На медиатроне снова было место происшествия, но уже с другой точки. Шкала внизу показывала время от начала событий; наметанный глаз судьи Вана отметил, что она скакнула на четверть минуты назад; пути героев разошлись, теперь мы следили за другой сюжетной линией. Один из членов шайки отстал и пытался запрыгнуть на велосипед, когда остальные уже катили прочь, разбрызгивая липкую пену. Однако в механизме что-то заело. Бандит бросил велосипед и побежал так.

Значок аэростата-метчика в углу увеличился, стала видна внутренняя структура. Теперь он меньше походил на осу, больше – на космический корабль в разрезе. Спереди располагалось устройство, выбрасывающее миниатюрные дротики из помещенной внутри обоймы. Сперва их было не разглядеть, но изображение росло, аэрометчик увеличился, стал похож на круглящий горизонт, и стрелки сделались различимы. Они были шестигранные, как карандаш, с колючей проволокой впереди и простым оперением на хвосте.

– В ходе происшествия подозреваемый испытал баллистический инцидент, – сказала мисс Бао, – и погасил избыток скорости посредством абляции.

Драгоценная мисс Бао перегнула палку. Судья Ван на мгновение поднял брови и нажал кнопку «пауза». Чан, другой его помощник, повернул огромную, почти сферическую голову в сторону подозреваемого, характерным жестом коснулся жесткого ежика волос, словно не мог поверить, что его так плохо постригли, приоткрыл сонные глаза-щелочки и сказал:

– Она говорит, ты упал с велосипеда.

Обвиняемый, бледный астматичный мальчик, слушал с таким благоговением, что как будто забыл о страхе. Сейчас уголки его губ дрогнули. Судья Ван с одобрением заметил, что обвиняемый прячет улыбку.

– Вследствие этого, – продолжала мисс Бао, – целостность нанобаровой оболочки оказалась нарушена. Неизвестное число меток проникло в отверстия и закрепилось на одежде и коже подозреваемого. Прежде чем вернуться на место проживания, он тщательно вымылся в общественной душевой, но триста пятьдесят меток остались на его теле и были извлечены нами в ходе следственных действий. Как обычно, метки были снабжены инерционной навигационной системой и фиксировали все перемещения подозреваемого.

Видеозапись сменилась планом Арендованных Территорий с красными линиями, отмечающими все движения подозреваемого. Мальчик ходил много, даже в Шанхай, но всегда возвращался в одну квартиру.

– Установив закономерность, метки автоматически отсеялись, – сказала мисс Бао.

Колючая стрелка изменилась. Центральная секция, в которой помещается пленка с записью, отделилась и взмыла в небо.

– Несколько спор добрались до птичьего глаза, где их содержимое было загружено в память, а серийные номера – сверены с полицейским архивом. Выяснилось, что подозреваемый много времени проводит в этой квартире. За ней было установлено наблюдение. Один из соседей произвел опознание по снимку, сделанному с видеозаписи. Подозреваемый был взят под арест, и метки, найденные на его теле, подтвердили наши рассуждения.

– Ух, – выдохнул Чан, будто вспомнил что-то очень важное.

– Что известно о пострадавшем? – спросил судья Ван.

– Видеостат следовал за ним до ворот Новой Атлантиды, – сказала мисс Бао. – Лицо его было в крови и распухло, что затрудняет опознание. Разумеется, на нем остались мушки – аэрометчик не делает различия между грабителем и жертвой, но ни одна спора не вернулась. Можно сделать вывод, что они были обнаружены и уничтожены новоатлантической иммунной системой.

Мисс Бао замолкла и перевела взгляд на Чана, который стоял как столб, сцепив руки за спиной и глядя в пол, словно его мощная шея вот-вот согнется под тяжестью головы. Мисс Бао прочистила горло раз, другой. На третий Чан проснулся.

– Простите, ваша честь. – Он поклонился судье Вану, порылся в большом пластиковом пакете и вынул сильно помятый цилиндр. – Это нашли на месте происшествия, – сказал он, переходя на родной шанхайский диалект.

Судья Ван указал глазами на скатерть, Чан шагнул вперед, уложил шляпу на стол и бережно поправил, добиваясь ведомого лишь ему идеального положения. Судья Ван какое-то время созерцал ее, потом извлек руки из длинных рукавов, взял цилиндр и перевернул. Внутри тульи шла лента с четкой надписью золотом: ДЖОН ПЕРСИВАЛЬ ХАКВОРТ.

Судья Ван выразительно взглянул на мисс Бао. Та мотнула головой. С пострадавшим еще не связались. Пострадавший не обратился в полицию, что уже занятно. Джону Персивалю Хакворту есть что скрывать. Все эти викторианцы такие умники; почему ж их так часто грабят на Арендованных Территориях после ночи шатания по борделям?

– Украденное нашли? – спросил судья Ван.

Чан снова шагнул вперед и выложил золотые часы на цепочке. Потом отступил на шаг, сцепил руки за спиной и стал смотреть на свои ступни, которые почему-то заерзали по полу. Мисс Бао глядела на него.

– Было еще что-то? Может быть, книга? – спросил судья Ван.

Чан поперхнулся, переборол желание харкнуть на пол (судья Ван категорически запрещал делать это в суде) и повернулся, чтобы судья Ван увидел одну из зрительниц: девочку лет четырех, которая сидела на стуле с ногами и, загорядясь коленками, шуршала бумагой. Читает украдкой, догадался судья Ван. Девочка водила головой и тихо разговаривала с книгой.

– Смиренно прошу прощения у судьи, – сказал Чан на шанхайском, – и готов немедленно уйти в отставку.

Судья Ван принял это с должной серьезностью.

– Я не смог вырвать улику из рук младенца, – сказал Чан.

– Я видел, как вы голыми руками убивали взрослых мужчин, – напомнил судья Ван. Его родным диалектом был кантонский, с Чаном он объяснялся на сильно упрощенном шанхайском.

– Старость – не радость, – сказал Чан. Ему было тридцать шесть.

– Час полудня миновал, – промолвил судья Ван. – Мы идем в «Кентукки Фрайд Чикен».

– Как угодно судье Вану, – сказал Чан.

– Как угодно судье Вану, – сказала мисс Бао.

Судья Ван перешел на английский.

– Твое дело очень серьезное, – сказал он мальчику. – Мы посоветуемся с древними мудрецами, а ты дожидайся тут.

– Да, сэр, – отвечал насмерть перепуганный обвиняемый. Страх был не абстрактный: мальчик вспотел и трясся. Его уже били палками.

По-китайски заведение именовалось Домом Всепочтенного и Всесокровенного Полковника*. Всепочтенного из-за белой бороденки, знака высочайшего достоинства в конфуцианских глазах. Всесокровенного, потому что сошел в могилу, так и не раскрыв тайну Одиннадцати Трав и Пряностей. Это был первый сетевой фастфуд, появившийся на Банде десятилетия

назад. У судьи Вана был личный столик в углу. Однажды он поверг Чана в проstration, описав авеню в Бруклине, на мило застроенную предприятиями быстрого питания, подающими жареную курицу, причем все они сплагичены с «Кентукки Фрайд Чикен». Мисс Бао, выросшая в Остене, штат Техас, спокойнее восприняла эту байку.

Весть об их приходе распространилась молниеносно: ведро уже стояло на столе. Посредине аккуратно расположились пластмассовые стаканчики с соусом, капустным салатом и картошкой фри. Как обычно, ведро поставили перед стулом Чана, которому и предстояло употребить большую часть курицы. Несколько минут они ели в молчании, беседуя глазами, еще несколько – разговаривали о пустяках.

– Текила – мать обвиняемого и девочки, – сказал судья Ван, когда пришло время перейти к делу. – Где-то я уже слышал это имя.

– Оно дважды звучало у нас в суде, – сказала мисс Бао и напомнила предыдущие случаи: первый, почти пять лет назад, когда казнили Текилиного сожителя, и второй, трехмесячной давности, очень похожий на сегодняшний.

– Ах да, – сказал судья Ван, – второй припоминаю. Мальчик и его друзья избили мужчину, но ничего не украли. Мальчик отказался что-либо объяснять. Я приговорил его к трем ударам палкой и отпустил.

– Есть основания предполагать, что пострадавший растлевал его сестру, – вставил Чан, – во всяком случае, он уже проходил по подобному обвинению.

Судья Ван выудил из ведерка куриную ножку, разложил на салфетке, скрестил руки на груди и вздохнул.

– Есть ли у мальчика хоть какие-нибудь родственники-мужчины?

– Никаких, – отвечала мисс Бао.

– Кто мне посоветует? – Судья Ван часто задавал этот вопрос – он считал, что подчиненных надо учить.

Мисс Бао ответила с должным почтением:

– Учитель сказал: «Благородный муж стремится к основе. Когда он достигает основы, перед ним открывается правильный путь. Почтительность к родителям и уважение к старшим братьям – это основа человеколюбия».

– Как применима мудрость Учителя к этому случаю?

– У мальчика нет отца, значит, сыновней почтительностью он обязан государству. Вы, судья Ван, представитель государства, и вряд ли ему доведется встретить других. Ваш долг – примерно наказать его, скажем, шестью ударами, чтобы пробудить в нем сыновнюю почтительность.

– Однако Учитель сказал также: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет всячески уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится».

– Значит, вы за попустительство? – скептически произнесла мисс Бао.

Чан вставил:

– Мен Убо спросил о почтительности к родителям. Учитель ответил: «Родители всегда печалются, когда их дети болеют». Однако Учитель не говорил о битье палками.

Мисс Бао заметила:

– Учитель сказал также: «На гнилом дереве не сделаешь резьбы» и «Лишь самые умные и самые глупые не могут измениться».

– Значит, вопрос – гнилое ли дерево мальчик? Насчет отца у меня сомнений не было. Насчет сына – есть.

– С величайшим почтением я обратил бы ваше внимание на девочку, – сказал Чан, – о которой только и должна идти речь. Мальчик, возможно, пропащий, девочку еще можно спасти.

– Кто будет ее спасать? – сказал мисс Бао. – Нам дана власть карать; у нас нет власти воспитывать детей.

– Это – главная трудность моего положения, – сказал судья Ван. – В эпоху Мао не было настоящей судебной системы. Когда возникла Прибрежная Республика, пришлось восстанавливать единственную модель, известную в Срединном государстве, сиречь конфуцианскую. Однако такое правосудие невозможно в обществе, не разделяющем конфуцианских принципов. «От Сына Неба до простолюдинов все должны почитать воспитание личности корнем всего прочего». Как мне воспитать личность, за которую я поневоле оказался в ответе?

Чан ждал этого вопроса и с готовностью ответил:

– «Великое учение» говорит, что расширение познаний – корень всех добродетелей.

– Я не могу послать мальчика в школу.

– Думайте о девочке, – сказал Чан. – О девочке и ее книге.

Судья Ван некоторое время размышлял, хотя и видел, что мисс Бао не терпится вставить слово.

– Благородный муж по справедливости строг, но и не только, – сказал судья Ван. – Раз пострадавший не обратился с просьбой вернуть похищенное, я оставлю девочке книгу. Как сказал Учитель, «в деле воспитания нельзя делать различия между людьми». Мальчика приговорю к шести ударам, однако пять из них отсрочу, потому что в его отношении к сестре видны начатки братской заботы. Это строгость по справедливости.

– Я закончила феноменоскопическое изучение книги, – сказала мисс Бао. – Это не обычная бумага.

– Я уже понял, что это какого-то рода рактивная игра.

– Она гораздо сложнее, чем определяется этим словом. Я бы предположила, что в ней – пиратская ИС, – сказала мисс Бао.

– Вы предполагаете, что в ней хранится краденая технология?

– Пострадавший работает в отделе Индпошива «Машин-фаз системс». Он – артифекс.

– Занятно, – сказал судья Ван.

– Стоит провести дальнейшее расследование?

Судья Ван задумчиво вытер рот чистой салфеткой.

– Стоит, – сказал он.

Хакворт вручает Букварь лорду Финкелю-Макгроу

– Вас устраивает переплет и все остальное? – спросил Хакворт.

– Вполне, – отвечал Финкель-Макгроу. – Встреть я ее в лавке букиниста, под слоем пыли, не обратил бы внимания.

– Потому что, если не нравится, можно собрать снова, – сказал Хакворт.

Он шел сюда в тайной надежде, что лорд Финкель-Макгроу найдет какие-то огрехи и тогда можно будет сделать новую копию для Фионы. Однако лорд – привилегированный акционер был сегодня против обыкновения добр.

Он продолжал шелестеть пустыми страницами, ожидая, что же произойдет.

– Вряд ли Букварь покажет вам свои возможности, – сказал Хакворт. – Он не включится, пока не установлена связь.

– Связь?

– Как мы договаривались, Букварь видит и слышит все происходящее поблизости, – объяснил Хакворт. – Сейчас он ищет маленькую особу женского пола. Как только девочка возьмет его и раскроет, ее лицо и голос запечатлеются в памяти книги.

– Да, установится связь. Понятно.

– С этого времени книга будет видеть людей и события в их отношении к девочке, используя ее как исходное для построения психологической карты. Поддержание этой карты – главная функция Букваря. Всякий раз, как девочка возьмет книгу, та будет проецировать свою базу данных на специфическую карту ребенка.

– То есть фольклорную базу.

Хакворт замялся.

– Извините, сэръ, не совсем так. Фольклор состоит из ряда универсальных понятий, отображенных на местную культуру. Например, у многих народов есть фигура Трикстера, или Ловкача, следовательно Ловкач – универсальное понятие, но выступает в разных обликах. У индейцев Юго-Западной Америки это Койот, на тихоокеанском побережье – Ворон. Европейцы звали его лисом Рейнармом, афроамериканцы – Братцем Кроликом. В литературе двадцатого века он появляется сперва как Багз Банни, потом как Хакер.

Финкель-Макгроу хохотнул.

– В моем детстве это слово имело двойное значение – компьютерный взломщик, но и очень искусный программист.

– Постнеолитическим культурам свойственна подобная двойственность, – сказал Хакворт. – Технология приобретает все большее значение, и Трикстер становится богом ремесел – если желаете, технологии, – сохраняя прежние черты проходимца. Так появляются шумерский Энки, греческие Прометей и Гермес, скандинавский Локи и так далее.

– В любом случае, – продолжал Хакворт, – Трикстер-технолог лишь один из универсальных персонажей. В базе данных их множество. Это каталог коллективного бессознательного. В прежние времена детские писатели отображали универсалии на конкретные символы, знакомые их читателю, – как Беатрис Поттер отобразила Трикстера на Кролика Питера. Это достаточно эффективный путь, особенно в однородном и статичном обществе, где опыт у детей примерно одинаков.

Мы с моей командой абстрагировали этот процесс и создали систему отображения универсалий на уникальную, меняющуюся во времени психологическую карту конкретного ребенка. Поэтому важно, чтобы книга не попала в руки другой девочке, пока Элизабет ее не откроет.

– Ясно, – сказал лорд Александр Чон-Сик Финкель-Макгроу. – Я заверну ее сам, прямо сейчас. Скомпилировал сегодня утром симпатичную оберточную бумагу.

Он выдвинул ящик стола и достал рулон плотной, блестящей медиатронной бумаги с мультипликационными рождественскими сценками: Санта соскальзывает в печную трубу, северный олень мчится в небесах, три зороастрийских царя слезают с дромадеров у входа в пещеру. Наступило молчание, пока Хакворт и Финкель-Макгроу разглядывали сценки; один из минусов медиатронной обстановки в том, что разговор постоянно прерывается, вот почему атланты стараются свести число таких предметов к минимуму. Зайди к плебам, и повсюду увидишь живые картинки; все сидят, раззявя рот, и бегают глазами туда-сюда: с медиатронной туалетной бумаги, где кувыркаются непотребные карлики, на зеркало, где играют в пятнашки большеглазые эльфы...

– Ах да, – сказал Финкель-Макгроу, – можно ли на ней писать? Могу я сделать Элизабет памятную надпись?

– Бумага относится к субклассу пригодной для ввода-вывода, так что обладает всеми свойствами материала, на котором пишут. По большей части эта функция не используется, хотя, если провести по ней пером, след останется.

– На ней можно писать, – чуть сварливо перевел Финкель-Макгроу, – но она не воспринимает написанного.

– На этот вопрос придется ответить неопределенно, – сказал Хакворт. – Букварь – исключительно сложная система распознавания образов. Помните, что основное его назначение – отзываться на внешние воздействия. Если владелец возьмет ручку и начнет писать на чистой странице, введенная информация, так сказать, отправится в декомпиляционный ящик вместе со всем остальным.

– Могу я надписать ее Элизабет? – спросил Финкель-Макгроу.

– Конечно, сэ.

Финкель-Макгроу взял из чернильного прибора тяжелую золотую авторучку и некоторое время писал.

– Теперь, сэ, вам осталось только подтвердить распоряжение об оплате рактеров.

– Спасибо, что напомнили, – неискренне поблагодарил Финкель-Макгроу. – Хотя я по-прежнему считаю, что на деньги, вложенные в проект...

– ...можно было бы решить и проблему звукогенерации, – заключил Хакворт. – Вам известно, что мы пытались, но ни один результат не отвечал требуемому вами качеству. В конце концов вся наша технология, все псевдоразумные алгоритмы, каталоги записей, ассоциативные чудо-программы и тому подобное так и не приблизились к генерации человеческого голоса, сравнимого с живым рактерским.

– Не скажу, что меня это очень удивило, – отвечал Финкель-Макгроу, – просто я предпочел бы, чтобы система была полностью автономной.

– Вы можете считать ее такой, сэ. В мире десятки миллионов профессиональных рактеров, в любое время, в любой стране, в любом часовом поясе не будет отбоя от охотников. Мы намерены установить относительно высокую плату, так что вам обеспечены лучшие голоса. Вы не разочаруетесь.

Нелл снова открывает Букварь; краткая история принцессы Нелл

Жила-была маленькая принцесса по имени Нелл, и она томила в темном замке посреди большого-пребольшого океана вместе с товарищем и защитником по имени Гарв. Еще с ней жили четыре друга: Динозавр, Уточка, Кролик Питер и Мальвина.

Принцесса Нелл не могла уйти из Темного замка, но время от времени их навещал Ворон и рассказывал об удивительной жизни в Стране-за-морями. Однажды Ворон помог Нелл выбраться из замка, но, увы, бедный Гарв был слишком велик, и пришлось ему оставаться за железными воротами о двенадцати запорах.

Принцесса Нелл любила Гарва как брата и поклялась не оставлять его, поэтому вместе со своими друзьями Динозавром, Уточкой, Кроликом Питером и Мальвиной переплыла море на красной лодочке. Испытав множество приключений, они добрались до Страны-за-морями. Она делилась на двенадцать королевств, которыми правили волшебные короли и королевы. У каждого короля или королевы был чудесный дворец, а в каждом дворце – сокровищница с золотом и самоцветами, а в каждой сокровищнице – драгоценный ключ от одного из двенадцати запоров Темного замка.

После множества приключений Нелл и ее друзья побывали во всех двенадцати дворцах и собрали все двенадцать ключей. Некоторые они добывали уговорами, другие – хитростью, третьи брали с боем. За это время иные друзья погибли, иные пошли своей дорогой, но Нелл одна не осталась, ведь приключения сделали ее великой героиней.

На большом корабле с тысячами воинов, слуг и советников Нелл вернулась по морю к Темному замку. Когда она подошла к железным воротам, Гарв увидел ее из высокого окна и ворчливо велел уходить, потому что не узнал ее, так изменилась принцесса Нелл за время своих странствий. «Я пришла освободить тебя», – сказала принцесса Нелл. Гарв снова сказал, чтобы она уходила, потому что ему хорошо и в Темном замке.

Принцесса Нелл вставила двенадцать ключей в двенадцать запоров и стала поворачивать один за другим. Когда заржавевшие ворота со скрипом отворились, то за ними стоял Гарв с натянутым луком и целил ей прямо в сердце. Стрела сорвалась с тетивы и убила бы Нелл, если б не медальон, который Гарв подарил ей перед бегством из замка. Стрела ударила в медальон и разбила его. В то же мгновение один из воинов выпустил стрелу в Гарва. Нелл бросилась к брату и рыдала над его телом три дня и три ночи. Когда наконец она утерла глаза, то увидела, что Темный замок преобразился. Реки слез омочили землю, и на ней выросли прекрасные сады и леса. Темный замок перестал быть темным, он сделался сверкающим маяком и наполнился всякими дивными вещами. Принцесса Нелл поселилась в замке, и правила островом до конца дней, и каждое утро ходила в сад, где погиб Гарв. Она испытала множество приключений, стала великой королевой, а со временем встретила прекрасного принца, вышла за него замуж, родила ему двенадцать детей, и все они жили долго и счастливо.

– Что такое приключение? – спросила Нелл.

На странице появилось слово. Потом весь разворот наполнили удивительные картинки: девочки в латах рубились с драконами, девочки скакали по лесам на единорогах, девочки прыгали по лианам, плыли по морю, вели космические корабли. Нелл долго разглядывала картинки, и постепенно все девочки стали похожими на нее, только старше.

Судья Ван посещает свой округ; мисс Бао проводит наглядный опыт; дело об украденной книге получает неожиданный оборот

Когда судья Ван, сопровождаемый помощниками, Чаном и мисс Бао, ехал на робобусе по дамбе, над Арендowanными Территориями клубились ядовитые миазмы. Выше зеленели склоны Атлантиды Шанхайской. Тучи зеркальных аэростатов защищали ее от вторжения извне; с такого расстояния отдельных груш было не различить, и казалось, в воздухе висит слабое сияние, огромный, прозрачный мыльный пузырь, накрывший святая святых англоамериканцев, колеблемый ветром туда-сюда, но никогда не рвущийся.

Ближе к Арендowanным Территориям въехали в туман, поглотивший величественное зрелище. На улице судья Ван несколько раз повторял странный жест: соединял пальцы правой руки, словно охватывая невидимую бамбуковую палочку, снизу подводил левую и заглядывал в получившуюся темную ямку. Там, словно в пещере, плясали крошечные светлячки, разноцветные и яркие, словно драгоценные камни.

Жители Арендowanных Территорий таким образом определяют, что творится в микромире. Во время тонерной войны зрелище получается воистину впечатляющим.

Сейчас о войне речь явно не шла, но все равно мушки порхали довольно густо. Судья Ван подозревал, что это имеет какое-то отношение к их поездке, хотя мисс Бао и отказалась разъяснить ее цель.

Оказалось, ехали в ресторан. Мисс Бао настояла, чтобы сесть на открытой площадке, хотя погода явно не улыбалась. В конце концов расположились на террасе третьего этажа. Даже на такой высоте лица собеседников едва угадывались в тумане.

Мисс Бао вынула из сумочки прямоугольный нанобаровый сверток, развернула и выложила на стол два предмета примерно одинаковых размера и формы: книгу и деревянный брусок. Затем, словно потеряв к ним всякий интерес, взяла меню. В следующие несколько минут все трое пили чай, беседовали о пустяках, потом принялись за еду.

– Не соблаговолит ли ваша честь, – сказала наконец мисс Бао, – осмотреть эти два предмета?

Судья Ван с изумлением заметил, что деревяшка не изменилась, в то время как книга покрылась густым темным налетом, словно несколько десятилетий пролежала в сыром подвале.

– У-ух! – Чан втянул в пасть огромную порцию лапши и вытаращился на странную картину.

Судья Ван встал, обошел стол и наклонился рассмотреть получше. Серая пыль распределилась неравномерно: больше всего скопилось у краев обложки. Он открыл книгу и с удивлением обнаружил, что пыль проникла глубоко между страницами.

– У этой пыли есть жизненное призвание, – заметил судья Ван.

Мисс Бао выразительно взглянула на деревяшку. Судья Ван поднял брусок: тот был чист.

– И к тому же она разборчива! – воскликнул судья Ван.

– Это конфуцианский тонер, – сказал Чан, заглотив наконец лапшу. – Тонер-книгочей.

Судья снисходительно улыбнулся и глянул на мисс Бао, ожидая разъяснений.

– Я полагаю, вы изучили новую разновидность мушек?

– Все еще интереснее, – сказала мисс Бао. – За последнюю неделю на Арендowanных Территориях появились не одна, а две новые разновидности мушек, и обе запрограммированы на поиск книг.

Она снова полезла в сумочку и протянула судье медиатронный свиток.

Подбежала официантка, помогла сдвинуть тарелки и чашки в сторону. Судья Ван развернул лист и придавил соусниками. Лист делился на две панели, каждая показывала увеличенное микроскопическое устройство. Судья Ван видел, что оба они созданы для движения в воздухе, но на этом сходство кончалось. Первое выглядело творением природы: с несколькими хитро устроенными механическими руками и четырьмя огромными, причудливо завернутыми выростами, отходящими вверх, вниз и вбок.

– Ухо летучей мыши! – воскликнул Чан, проводя палочкой по немыслимо сложному завитку.

Судья Ван промолчал, только напомнил себе, что именно такими мгновенными озарениями и силен Чан.

– Похоже, оно и впрямь использует эхолокацию, – подтвердила мисс Бао. – Другое, как видите, сконструировано совсем по иному принципу.

Вторая мушка походила на космический корабль, каким он представлялся Жюль Верну: обтекаемый каплевидный корпус с двумя механическими руками, вытянутыми вдоль фюзеляжа, и цилиндрическим углублением в носу – глазом, как решил судья Ван.

– Она видит в ультрафиолетовом диапазоне, – сказал мисс Бао. – Несмотря на различия, назначение у обеих мушек одно: искать книги. Найдя, они садятся на обложку, заползают между страницами и анализируют внутреннюю структуру бумаги.

– Что они ищут?

– Чтобы ответить, пришлось бы разобрать встроенный компьютер и раскомпилировать программу, что затруднительно. (Мисс Бао, по обыкновению, преуменьшила. «Затруднительно» – не то слово.) Обнаружив, что книга простая, бумажная, они деактивируются и становятся просто пылью.

– Значит, сейчас на Арендованных Территориях много грязных книг, – заключил Чан.

– Начнем с того, что на Арендованных Территориях вообще мало книг, – сказал судья Ван.

Мисс Бао и Чан хихикнули. Судья Ван не подал виду, что пошутил – он просто отметил факт.

– И каковы ваши заключения, мисс Бао? – спросил судья Ван.

– Два разных лица ищут на Арендованных Территориях одну книгу, – сказала мисс Бао. Она не добавила, что книга эта, вероятно, украдена у джентльмена по фамилии Хакворт.

– Вы можете предположить, кто эти лица?

Мисс Бао сказала:

– Разумеется, на устройствах нет авторского клейма. На летучей мыши буквально написано «доктор Икс» – ее части эволюционировали, а не создавались искусственно, доктор Икс тем и занимается, что собирает мушек с новыми приспособительными признаками. С первого взгляда второе устройство можно считать продуктом любой из главнейших фил, в первую очередь Ниппона, Новой Атлантиды, Индостана или Первой Распределенной Республики, однако при ближайшем рассмотрении я обнаружила определенный уровень изящества...

– Изящества?

– Извините, ваша честь, это довольно трудноопределимое понятие. В нем присутствует некое неосязаемое качество, описываемое создателями как «техническая красота» или «клевость» – знак, что это создано с большим тщанием человеком не просто целеустремленным, но и вдохновенным. В этом различие между инженером и хакером.

– Или инженером и артефаксом? – спросил судья Ван.

Тень улыбки пробежала по лицу мисс Бао.

– Боюсь, что я впутал девочку в историю, о серьезности которой и не подозревал, – сказал судья Ван

Он скатал бумагу и вернул ее мисс Бао. Чан поставил перед ним чашку и налил чаю. Судья Ван машинально постучал согнутыми пальцами по столу.

Этот жест уходит корнями в китайскую древность. Некий император любил переодеваться простолюдином и путешествовать по Срединному государству, чтобы видеть, как живут его крестьяне. Часто, оказавшись с приближенными в харчевне, он сам наливал им чай. Приближенные не могли бухнуть ему в ноги, не раскрыв инкогнито, и придумали этот жест, имитирующий земной поклон. Теперь китайцы благодарили им друг друга за чайным столом. Судья Ван поймал себя на нем и задумался, как трудно быть китайцем в мире, где нет императора.

Он сидел, спрятав руки в рукава, и несколько минут думал об этом, да и о другом, глядя, как пар из чашки конденсируется на аэростатиках, превращаясь в густой туман.

– Вскоре мы посетим мистера Хакворта с доктором Икс и по их реакции сделаем дальнейшие выводы. Я подумаю, как это лучше осуществить. Пока позаботимся о девочке. Чан, сходите к ней домой и узнайте, не ошиваются ли рядом подозрительные личности.

– Со всем почтением, сэр, в том доме все личности подозрительные.

– Вы знаете, о чем я, – недовольно произнес судья Ван. – В здании должна быть система воздушной фильтрации. Если она работает и девочка не выносила книгу из дома, то эти... – судья прочертил полосу по обложке, растер пыль между пальцами, – ее не нашли. Поговорите с домовладельцем, намекните, что предстоит проверка фильтров, дайте понять, что говорите всерьез, а не вымогаете взятку.

– Да, сэр.

Чан отодвинул стул, поднялся, поклонился и вышел, лишь на минуту задержавшись у дверей, чтобы взять из стаканчика зубочистку. Он мог бы закончить ленч, но уже выражал обеспокоенность судьбой девочки и, видимо, решил не терять времени.

– Мисс Бао, установите на квартире у девочки записывающую аппаратуру. Будем менять пленки каждый день. Если в ближайшее время книгу не обнаружат, сократим до раза в неделю.

– Да, сэр.

Мисс Бао надела феноменоскопические очки и углубилась в неведомый интерфейс. В глазах ее замелькали отражения цветных огней. Судья Ван налил себе еще чаю, взял чашку в ладонь и пошел пройтись по краю террасы. У него было множество забот, куда более важных, чем девочка с ее книгой, однако, судя по всему, именно ей предстояло на ближайшее время полностью занять его мысли.

Описание Старого Шанхая; театр «Парнас» и чем занимается Миранда

Пока сюда не допустили европейцев, Шанхай был укрепленной рыбацкой деревней на берегу Хуанпу, в нескольких милях выше ее впадения в эстуарий Янцзы. Чаще всего глаз оставалась затейливая архитектура эпохи Мин, сады богачей, торговая улочка, скрывающая жуткие трущобы, рахитичный чайный домик посреди пруда. Крепостную стену со временем срыли, на ее фундаменте проложили кольцевую дорогу. С севера прилепилась французская концессия, и здесь-то, через дорогу от старого города, в конце тысяча восьмисотых построили театр «Парнас». Пять лет, что проработала тут Миранда, пролетели пятью днями.

«Парнас» выстроили европейцы в то время, когда были еще очень серьезны и несгибаемы в своем европоцентризме. Здание украшал классический фасад: угловой портик из белого известняка поддерживали белые же коринфские колонны. В девяностых годах двадцатого века над ним воздвигли белый навес с лиловыми и розовыми неоновыми лампами. Его легко можно было бы снять и заменить чем-нибудь медиатронным, но труппе нравилось вытаскивать из декораторской бамбуковые лестницы и крепить черные пластмассовые буквы с названием сегодняшнего спектакля. Иногда спускали большой медиатронный экран и показывали кино; тогда европейцы со всего Большого Шанхая, в смокингах и вечерних платьях, собирались в темном зале смотреть «Касабланку» или «Танцующего с волками». По крайней мере дважды в месяц давали живой спектакль; на один вечер рактеры становились актерами со светом, гримом и костюмами. Труднее всего было справиться с публикой: все, кроме старых театралов, пытались выскочить на сцену и взаимодействовать, что рушило все представление. Живой театр стал уделом немногих ценителей, вроде григорианского распева, и не покрывал расходов. Их покрывали рактивки.

Земля в Шанхае всегда была дорогой, здание получилось высоким и узким, и просцениум имел почти квадратный формат, как экран древнего телевизора. Над ним высился крылатый бюст забытой французской актрисы, к которому слетались ангелы с литаврами и лавровыми венками. Круглая фреска на потолке изображала муз в прозрачных одеяниях, из середины ее свешивалась люстра. Лампы накаливания давно заменили на современные, неперегорающие, их ровный свет озарял тесные ряды разошедшихся кресел в партере. Балконы шли в три яруса, каждый начинался и заканчивался двумя ложами. И балконы, и ложи были расписаны мифологическими сценами, из цветов преобладала ампириная лазурь. Из-за каждого угла, колонны, карниза выглядывали, пугая зазевавшегося посетителя, лепные купидоны, жилистые римские боги, бесстрастные троянцы. Многие пострадали в Культурную Революцию, когда хунвейбины палили по ним из ружей. В целом, если не считать дырок от пуль, театр «Парнас» сохранился совсем неплохо. Правда, в двадцатом веке вертикально вдоль лож и горизонтально по основанию балконов проложили черные чугунные трубы, к которым крепили софиты. Современный софит – диск размером с монету – лепится куда угодно и управляется по радио. Трубы, впрочем, остались, и туристы всякий раз недоумевали, что это и зачем нужно.

У каждой из двенадцати лож был собственный вход, а поверху шел полукруглый карниз для занавеса, чтобы зрители могли укрыться на время антракта. Занавесы убрали и заменили съемными звуконепроницаемыми экранами, кресла свинтили и унесли в подвал. Теперь каждая ложа превратилась в овальный павильон, как раз на одного рактера. Эти двенадцать павильонов приносили театру «Парнас» семьдесят пять процентов дохода.

Миранда всегда приходила за полчаса и проверяла сетку. Зиты не вечные, они разрушаются статическим электричеством или космическими лучами, и если ты по лени запустишь свой инструмент, то недостойна называться рактрисой.

Голые стены ложи она украсила плакатами и фотографиями ролевых моделей, главным образом – актрис из пассивок двадцатого века. В углу стояли стул для ролей, в которых приходится сидеть, и столик, куда Миранда поставила тройной латте, двухлитровую бутылку минеральной воды и леденцы от кашля. Потом она разделась до черного трико и лосин, а уличную одежду повесила на вешалку у входа. Другие рактрисы раздеваются донага или остаются в уличном. Можно даже подобрать костюм к роли, если знаешь, что будешь сегодня играть. На это Миранде рассчитывать не приходилось. У нее были постоянные роли: Кэт в рактивной версии «Укрощения строптивой» (топорной поделке, популярной, тем не менее, у определенной части пользователей-мужчин), Скарлетт О’Хара в «Унесенных ветром», Ильзе в шпионском триллере (действие происходит в поезде, идущем через нацистскую Германию) и Реи, неовикторианской барышни, очутившейся в дурном районе современного Шанхая («Шелковый путь»). Эту роль Миранда создала сама. После хвалебных рецензий («исключительно Рея-листично сыграно восходящей звездой Мирандой Редпат!») она несколько месяцев не играла ничего другого, хотя гонорары так круто поползли вверх, что большинство пользователей предпочитали обходиться дублерами или смотрели пассивно за вдесятеро меньшую плату. Однако за пределы Шанхая пьеса не вышла – дистрибьютор напорол с выбором целевой аудитории, «Шелковый путь» оказался под угрозой провала, и кое-кому пришлось поплатиться местом.

Больше четырех главных ролей в голове удержать трудно. Суфлер позволяет играть любую, даже совершенно новую роль, если не боишься сесть в лужу, но Миранда берегла репутацию и не любила халтурить. Чтобы заполнить окна, она, под другим именем, брала заявки попроще: на чтение вслух и все, связанное с детскими рактивками. Своих детей у нее не было, но она продолжала переписываться с прежними питомцами. Ей нравилось рактировать с детьми, и потом, это хорошее упражнение для голоса – правильно выговаривать глупые стишки и скороговорки.

– Репетиция Кэт из «Строптивой», – сказала Миранда.

Созвездие в форме Миранды сменилось изображением брюнетки с зелеными глазами и в платье, которое по замыслу костюмера изображало наряд богатой горожанки эпохи Возрождения. У Миранды были огромные, широко распахнутые глаза, у Кэт – кошачьи, а такими глазами надо стрелять иначе, особенно когда отпускаешь язвительную остроту. Карл Голливуд, создатель и режиссер труппы, сидевший пассивно на ее «Строптивных», советовал еще поработать в этом направлении. Редкие клиенты заказывали Шекспира или даже знали эту фамилию, но как раз для них-то и стоило расстараться – все они принадлежали к категории лиц с очень высоким уровнем доходов. На Миранду такие доводы обычно не действовали, но вот что занятно: среди этих господ (богатой сексистской сволочи!) на удивление часто попадались замечательные рактеры. А каждый профессионал скажет, какое наслаждение рактировать с понимающим человеком.

Смена охватывала прайм-тайм для Лондона, Восточного и Западного Побережья. По Гринвичу она начиналась в пять вечера, когда лондонцы решают поразвлечься после обеда, и заканчивалась в семь утра, когда калифорнийцы ложатся спать. В каком бы часовом поясе ни жили рактеры, они предпочитали работать в этот промежуток. По шанхайскому времени смена начиналась в пять утра и заканчивалась после обеда. Впрочем, если какому-нибудь богатому калифорнийцу вступит фантазия рактировать до утра, Миранда охотно задерживалась в павильоне. Многие рактеры предпочитали выспаться, но Миранда еще не оставила мечту о Лондоне и ценила тамошнюю искушенную клиентуру. Она всегда приходила рано.

Когда она закончила разогреваться, оказалось, что заявка уже есть. Антрепренер – полуавтоматическая компьютерная программа – собрал девять клиентов, на все гостевые роли «Спального вагона в Женеву». Пьеса о богатых пассажирах в оккупированной нацистами Франции стала для рактивного театра тем же, что «Мышеловка»* для пассивного. Гостевые

роли исполняли клиенты, более сложные – ратеры вроде Миранды. Кто-то из героев был (неведомо для остальных) шпионом союзников. Другой – тайным полковником СС. Третий – тайным евреем, четвертый – агентом ЧК. Иногда фигурировал немец, стремящийся перейти на сторону союзников. Компьютер всякий раз по-новому тасовал роли, участникам предстояло по ходу действия вывести друг друга на чистую воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.